

Георгий Арси
Крала без масти

Исторический детективный триллер

Георгий Арси
Крала без масти

«Автор»

2025

Арси Г.

Краля без масти / Г. Арси — «Автор», 2025

1885 год. Не всё спокойно во второй столице Российской империи. В городе разворачиваются леденящие душу истории о жадности, предательстве и давней тайне. По улицам Москвы рыщет банда беглых каторжников, чьи преступления отличаются особой жестокостью и изощрённостью. Происходят загадочные убийства, оставляющие после себя лишь кровавые следы. Чиновник по особым поручениям Московского уголовного сыска Евграф Тулин, человек острого ума, берётся за расследование. Возможно, он способен остановить череду кровавых событий, но для этого ему придётся пожертвовать многим. Ранее роман публиковался в двух частях: «Краля без масти. Часть I. Сукино болото» и «Краля без масти. Часть II. Червонный след».

© Арси Г., 2025

© Автор, 2025

Содержание

От автора	5
Глава 1 Похищение. Год 1885. Москва	6
Глава 2 Иркутские каторжники	11
Глава 3 Холерное кладбище	16
Глава 4 Похороны вдовы поручика Альта	24
Глава 5 Тайна старого подвала	32
Глава 6 Поезд с Николаевского вокзала	39
Глава 7 Судебно-врачебная экспертиза	45
Глава 8 Начальник уголовного сыска	50
Глава 9 Болотный труп	55
Глава 10 Московская мещанка и музей	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Георгий Арси

Краля без масти

Грех – не что иное, как удовлетворение желаний запрещёнными способами. Страсть – устойчивый навык к совершению греха.

Порок – неизлечимая любовь к греху.

От автора

Петру и Надежде Красовских посвящается

Грех стоит денег, страсть не считает средств, порок тратит состояния.

В этом есть суть сюжета романа и истории, случившейся в Москве в конце девятнадцатого века.

Имена большинства героев реальны, некоторые изменены, а отдельные персонажи вымышлены автором в целях раскрытия сюжета.

Для передачи атмосферы прошлого использованы тексты из старинных документов.

Книга продолжает серию детективов: «Дело о секте скопцов», «Клад Белёвского Худеяра», «Проклятие старого помещика» и «Китовая пристань. Наследие атамана Пугачёва».

Текст печатается в авторской редакции и пунктуации. Автор романа не поддерживает и не пропагандирует речи и деяния героев книги и совсем не разделяет мировоззрение отдельных из них. Все события, имеющие связь с запрещёнными веществами и антиобщественными поступками, описаны исключительно в интересах сюжета романа.

Автор благодарен русским писателям и журналистам девятнадцатого века: Александре Ивановне Соколовой, Сергею Николаевичу Шубинскому, Владимиру Алексеичу Гиляровскому, Андрею Михайловичу Дмитриеву.

Автор признателен Олегу Васильевичу Чернышу за специальные консультации по российскому уголовному праву девятнадцатого века.

Книга создана под эгидой и при меценатской поддержке АО «Перспектива» г. Тулы и лично генерального директора Александра Васильевича Лежебокова.

Глава 1 Похищение. Год 1885. Москва

Изъ «Инструкціи городовымъ Московской полиціи. Обязанности городовыхъ по охранѣнію обществѣннаго порядка, спокойствія и благочинія». Изданія 1885 годъ.

«...Питыя въ душѣ своей нѣпоколѣбимую прѣданность ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, исполняя службу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА по совѣсти, заботясь постоянно о томъ, чтобъ находиться прі дѣлѣ не для виду только, а для дѣйствительной пользы, городской обязанъ съ публикою обращаться вѣжливо.

Исполненіе закона или полицѣйскаго распоряженія слѣдуетъ трѣбовать съ достоинствомъ и настойчиво, но отнюдь не грубымъ или обиднымъ образомъ. Если городской самъ подвергся оскорбленію, то, не дозволяя сѣбѣ ни словомъ, ни дѣломъ никакой личной расправы, должѣнъ пригласить, а въ случаѣ упорства прѣдставить это лицо къ своему Начальству. Городовой не имѣетъ права ни подъ какимъ видомъ оканчивать такое дѣло примирѣніемъ. Городовой обязанъ прѣкращать всякій шумный разгулъ, шумъ, крикъ, брань, ссоръ и драки на улицахъ, площадяхъ и въ публичныхъ мѣстахъ. Не дозволяютъ нікому ходить обнявшись, пѣть пѣсні, свистать, играть на инструментахъ. Воспрѣщаютъ произносить на улицахъ ругательства и нѣприличныя шутки. Пьяныхъ, которые идутъ, шатыясь и падыя, но не потѣряли еще совѣршенно сознанія, отправляютъ на квартиръ, если таковыя извѣстны и находятся нѣподалъку; прі чемъ, если оні произвѣли шумъ, пѣли пѣсні или отправляли естѣствѣнную надобность или какое-либо другое бѣзчинство въ виду публики, то, пригласивъ стороннихъ лицъ быть свидѣтелями произвѣдѣннаго бѣспорядка, записать званія и фамиліи, какъ виновныхъ, такъ и свидѣтельскіи и по смѣнѣ съ дѣжурства доложить о происшествіи своему Начальнику. Въ болѣе важныхъ случаяхъ и тогда, когда званія и фамиліи виновныхъ не могутъ быть городovýmъ обнаруженъ, отправляютъ ихъ въ участокъ. Если квартиръ пьяныхъ нѣизвѣстны или слишкомъ отдалѣны и вообще, если пьяные находятся въ бѣсчувствѣнномъ состояніи, слѣдуетъ отправлять ихъ въ полицѣйскій домъ...»

Некій господин лежал на боку на прошлогодней гнилой соломе у стены сарая. Под головой нелепо торчало старое седло, кем-то заботливо положенное для создания удобства. Судя по поношенной, но всё ещё приличной городской одежде, человек принадлежал к дворянскому сословию. На голову страдальца был надет грязный и пыльный мешок, стянутый у кадыкастого горла коротким шнурком. Руки и ноги, связанные пеньковой верёвкой, не позволяли подняться или поменять позу. Сквозь небольшую дырочку в мешковине пленник одним глазом внимательно разглядывал окружающий скудный мирок. В толстых нитях паутин переливались яркими цветами лучи летнего солнца, пробивающегося внутрь халупы сквозь щели в крыше. В углу стоял ландолет цвета «жжёного хлеба» с лежащими на земле оглоблями. Рядом домовито и по-хозяйски ходили три курицы и толстый петух с красными перьями. Не обращая внимания на пленника, птицы, занятые поиском пищи, без устали раскидывали земляной пол и трухлявую солому, искали червей и тут же испражнялись дурно пахнущим помётом. Недалеко виднелась кособокая лестница из жердей, ведущая на сеновал. В одном из углов сарая кричали о хозяйской лени грязные от навоза вилы, лопаты и кирки с остатками земли. Всюду летали жирные мухи, назойливо тыкаясь в доски сарая, противно жужжа и тем докучая связанному человеку.

Рядом с незнакомцем валялся потрёпанный кожаный портфель для бумаг, уже слегка обгаженный домашними птицами. За пределами сарая кричала кукушка, навевая грустные мысли о жизни и смерти. Пленником, насильно помещённым в столь неприятные условия,

являлся бывший московский дворянин и коллежский секретарь¹ Винагорский Иван Христианович.

Иван Христианович страдал. У него невыносимо болела голова, ломало тело, а горло мучила жгучая жажда. А самое главное – хотелось узнать, где он и как оказался в таком униженном и даже рабском положении. Винагорский прекрасно помнил, что сегодня десятое июня. Уже больше недели прошло после великого православного праздника – дня Святой Троицы – и всю исполнялся Петров пост. Хотя Иван Христианович не являлся глубоко верующим человеком, однако по сугубо личным причинам помнил об этой дате.

Во-первых, в эти дни, хоть слезами умойся, никто взаймы не давал.

Во-вторых, по окончании поста многие играли свадьбы. А такие праздники он уважал по причине возможности получения обильной дармовой еды и бесплатного питья. Для осуществления таких замыслов нужно было явиться в самый разгар праздника чисто одетым, трезвым и подарить букет цветов невесте на глазах у многочисленной публики.

Конечно, близкие молодожёнов понимали, что новый гость – обычный проходимец. Однако скандалить и выгонять такого наглого хитреца, желающего дармового угощения, никто не решался по причине широкой русской души. Дебош, драка и прочие бесчинства на свадьбе являлись плохой приметой.

Пленник лежал и мучительно думал. Ивану Христиановичу с трудом, но вспомнилось, что вчера уже после восьми часов вечера познакомился он с двумя приличными господами. По виду обедневшими дворянами, на худой конец, московскими городскими мещанами. Винагорский сословные статусы у них не уточнял: времени, желания и настроения для этого не имелось. Кажется, обоим было лет под сорок, а может, чуть больше. Вечер прошёл замечательно, в разгуле, душевном празднике и веселье. Пьяный угар, одним словом, возобладал. Обычное дело для уважающего себя ухаля и московского кабацкого гуляки. Трактиры аж несколько раз меняли, как дворцовые дамы – перчатки на долгом балу. Эх! Залихватский русский кураж! Знатным купцам ни в чём не уступили. Таких господ, что он вчера внезапно нашёл в друзья, в кабаках и питейных лавках называли ещё «потёртыми», или «бывшими». Шло подобное от того, что в своё время занимали они должности и чины соответствующие, да утратили всё вконец. Каждый по разным причинам. Кто за кумовство, взятки или воровство, а кто просто из-за пьянства. Со временем приличная одежка у таких господ становилась заношенной, штопаной и свидетельствовала о потерянной жизни. О прежнем достоинстве говорили только благородные манеры да никому не нужный гонорок. За который бывали они хорошо и до крови биты обычными московскими мужиками: ремесленниками, кучерами, золотарями, рабочими мануфактур, в подпитии и сословном кураже.

Таким неудачникам каждый пьяный московский работяга норовил по случаю заехать в морду, прямо между глаз, а лучше кровавую юшку пустить из благородного носа. Потому как утратили бывшие благородные господа своё общественное значение и считались бульварным народцем, одним словом – городской голытьбой. Падшие в сословном уровне людишки защиту имели только сами в себе, полиция за подобных обитателей Москвы грудью не стояла.

Помнил Иван Христианович, что знакомство состоялось в одном из приличных кабаков на Третьей Рогожской улице, что располагалась недалеко от Андроникова монастыря. Слово за слово, и вот уже стали они истинными товарищами на веки вечные. Тут же началось дружеское застолье с самогоном, настоящим на травах, расположившись стоя за высоким круглым столом. В заведении и закусь хорошая имелась. Даже сало, печёную куру да кулебяки с рыбой

---

¹ Коллежский секретарь – гражданский чин десятого класса в «Табели о рангах». Соответствовал чинам армейского и кавалерийского поручика, казачьего сотника и флотского мичмана. Лица, имеющие звание, занимали невысокие руководящие должности. Петлицы или погоны чиновника имели три звёздочки.

и мясом подавали. Гулящие девки меж столов ходили, упругими задницами вертели. Одну из них, по бесшабашной пьяни, Иван Христианович раз пять ущипнул.

О том, что вчерашний день начинался в доброй памяти, свидетельствовал портфель для бумаг, лежащий рядом. Винагорский его брал, чтобы дополнить композицию занятого и дельного человека. Хотя уже более трёх лет Иван Христианович не имел чиновничьего присутствия. Он был давно исключён из всех приличных обществ. Этим портфелем и важным видом да светским разговором ему удавалось вводить окружающих в заблуждение. Благодаря, на первый взгляд, никчёмной вещице принимали его за действующего чиновника, угощали, наливали в надежде на полезность знакомства. Таков русский человек, он завсегда чиновника впрок готов напоить, авось пригодится в будущей жизни.

С Третьей Рогожской улицы переехали в другой кабак, там тоже неплохо гуляли. Потом направились к Рогожской заставе, в придорожную пивную лавку под названием «ДОБРЫЙ ХРЯКЪ». Однако в ней уже такой культуры не было. Просто много пили и вели мудрёные разговоры. Обсуждали непомерный рост цен на услуги в московских борделях и никчёмность стремления современных мещанских девиц к образованию. Сетовали на ненужность каторг как мест угробления живой мысли и души образованного человека. Критиковали излишне активное строительство доходных домов. Рассуждали о тяжком положении славянских народов на Балканах и роли России в Афганистане. Всё было как всегда у русского дворянства. Начинали с обсуждения женщин, потом перешли к благородному и задушевному, а закончили имперской политикой.

В лавке, по пьяному делу, нашла на него невыносимая внутренняя мысленная горечь. Вначале Иван Христианович долго признавался новым друзьям в своём душевном плачевном состоянии. Много разговоров вёл о тех счастливых временах, когда ещё не был в таком нравственном падении и сословном разложении. Затем, вопреки нормам поведения в общественном месте, пел босяцкие скабрёзные песни. Сорвав голос от очумелого крика, безрассудно высказывал оскорбления в адрес директора Московского публичного и Румянцевского музея, действительного тайного советника Василия Андреевича Дашкова, чем вызвал крайний испуг гостей и хозяев заведения. Ибо статус этого господина соответствовал генералу рода войск или адмиралу и высшим придворным чинам. За подобные разговоры заведение могли закрыть с наложением крупного штрафа, а всех присутствующих взять на карандаш в полицейском участке.

Новых приятелей, пытающихся урезонить, Винагорский, возбуждённый алкоголем и разговорами о политике, слушать не стал. Полового оттаскал за вихры и пытался при этом расцарапать лицо. Самым ужасным оказалось последнее: не имея совести по пьяному делу, пытался справиться естественную надобность прямо у крыльца придорожной пивнухи. Всё бы ничего, но именно в этот момент появился городской. Может, кто вызвал, или по чистой случайности. Видя свою неминуемую беду и ужаснувшись от предстоящего штрафа, бросился Иван Христианович бежать. Да не сразу, а вначале плевался в направлении блюстителя порядка, угрожал ему кулаком и обещал наvertеть на неприличную часть своего тела.

Уж далее он полностью не помнил. Кажется, подхватили его новые товарищи и умчали на ландолете цвета «жжённого хлеба» подальше от места позора. Несмотря на провалы в памяти, Винагорский был уверен, что употреблял он за счёт новых друзей и вечерний праздник не стоил ему ни копейки. Иначе никак!

Иван Христианович всегда за чужой счёт пил впрок, до «белых чертей и зелёных белок». Да и денег в тот день совсем не имел. А в долг ему уже давно никто не ссуживал, в том числе и в кабаках. Из ценного у него с собой имелись батюшкина серебряная медаль и старый просроченный пропуск в Московский публичный и Румянцевский музей.

Потёртую, поцарапанную медальку он носил с собой постоянно, в специальном потайном кармане брюк, как некий волшебный талисман. Эту награду покойный батюшка получил

во время войны с французским императором Наполеоном, сохранив от неприятеля какую-то важную государственную военно-полевую денежную почту. В отличие от Ивана Христиановича, его предок был человеком уважаемым. Достоинство отслужил при Почтовом департаменте, что в те года относился к Министерству внутренних дел империи. Конечно, по мнению Ивана Христиановича, лучше бы он в те далёкие времена припрятал эти деньги, а после передал клад по наследству сыну. То есть ему, Ивану Христиановичу. Война, как известно, дело смутное, всё бы списала. Что касается старого пропуска, то Винагорский носил его по своему обыкновению в портфеле для убеждения собутыльников в своей важности и высоком положении в обществе. Дата там была специально затёрта и при обычном знакомстве с этим документом совсем не видна.

Внутренние рассуждения прервались. Внезапно дверь сарая скрипуче отворилась. Хотя обзор из отверстия мешка был плохим, Винагорский понял, что пожаловали вчерашние приятели.

Ивану Христиановичу ранее казалось, что новых друзей он особо не запомнил, оказалось, думал ошибочно. Имена вдруг сразу пришли на память. Уж больно особыми они были. Да и манеры между этими господами поражали своеобразностью. Одного, что был за старшего, звали Витольд Людвигович, а второго – Александр Вениаминович.

– Как себя чувствуете, Иван Христианович? Головка-то побаливает? Да, удивили вы, милейший. Половину одного «гуся» уговорили. Ох и молодцом! – заявил Витольд Людвигович хриплым голосом, горестно переведя дыхание, как бы от сильной усталости.

Винагорский припомнил, что этот господин вчера постоянно вздыхал. Скорее всего, не от сочувствия чужому горю или восхищения каким-либо деянием, а по давней привычке от душевной или умственной болезни нервами.

«Ах, половину „гуся“ уговорил, вот пёсья натура! Мог, конечно, выпить, особо под хорошую закуску или для похвальбы. Теперича голова дня три не пройдёт, а то и все четыре. Мешать будет жить по-человечески. Да и вообще, зачем я с ними поехал? Эх, надо было просто бежать от городского, затерявшись в подворотнях. Хотя нет! Поймали бы и в тюрьму на месяц, на исправительные работы отправили. Общественные клозеты чистить или в богадельнях убираться», – уныло думал Иван Христианович.

Особая бутылка, вмещавшая в себя три с половиной литра самогона, называлась словом «гусь». Такого количества домашней водки было даже ему, известному в своём мире пропойце, многовато. Хотя последние три года пил он ежедневно, самозабвенно, с удовольствием и хорошим настроением.

Отвечать случайному вчерашнему собутыльнику бывший коллежский секретарь не стал, но не из-за гордости или презрения. Просто в последнее время жизнь его научила больше слушать, чем говорить. Паузу сделать бывало просто необходимо, чтобы понять, чего хочет собеседник. Однако это правило работало не всегда, а только когда он был трезвым или в похмельном состоянии. Пьяным же молот всякую бесконечную чепуху, за что бывал неоднократно бит по морде. Много чего плохого в его жизни случилось из-за водки. Вначале Иван Христианович пропил домик на окраине Москвы, что родители оставили непутёвому единственному сыночку. Потом остатки землицы в Орловской губернии и небольшие сбережения. Закончив с большим, взялся за малое, превратив в стакан с водкой личные вещи и скудные награды отца. Прогуляв последнюю память, начал пить на доверии, занимать у всех, кто мог дать. Брал в долг у родственников, затем у товарищей по гражданской службе, следом и у малознакомых людей. Год назад и эта «лавка» затворилась. Перестали ему ссужать деньги, даже кормить бесплатно перестали. Посему в последнее время Винагорский наслаждался жизнью за счёт похорон, свадеб, пьяных компаний в дешёвых трактирах. Особо любил праздничные дни, установленные в честь именин членов императорской семьи, называемые царскими, церковные, государственные праздники и всяческие даты военных побед. На них да на общественных гуляниях всегда

можно было наесться даром и самозабвенно напиться впрок. Ему иногда казалось, что желудок считает самогон чем-то родным и нужным для функционирования внутренних состояний организма бывшего коллежского секретаря.

Сейчас Иван Христианович лежал и раздумывал о цели сего пленения. Всерьёз, как угрозу для своей шалопутной жизни, подобное положение он не рассматривал. Кому нужен обедневший и спившийся человек, бывший дворянин и чиновник? В таком унижительном состоянии его могли держать в трёх случаях: пытаюсь вернуть пропитые вчера деньги, шутки ради, также из-за обиженных чувств. Денег у него не было и быть не могло. Он надеялся, что новые товарищи это прекрасно понимали, когда поили даром. Оскорбление людей не соответствовало его правилам поведения, значит, оставался розыгрыш. Хотя всякое могло случиться от такого количества выпитого самогона, вот вчера же пытался избить полового и плевался в представителя власти. Однако не всё казалось таким простым. Кое-что изменилось после вчерашнего случайного общения. Теперь Винагорскому в относительно трезвом состоянии очень не понравился говор Витольда Людвиговича. Тот почему-то начал произносить слова по-особому, с некоторым придыханием, удлинением, нажимом и каким-то опасным человеческим хрипением. Горестные вздохи, как показалось Ивану Христиановичу, происходили явно от нервного, болезненного состояния души, а может, от расстройств головы. Особо важным это, конечно, не являлось. Например, у него самого имелась привычка в сильном переживании дёргать левой скулой. Плохим было другое.

Подобные манеры произнесения речей он слышал ранее в некоторых пивных лавках низкого пошиба. Так обычно говорили бывалые завсегдатаи тюремных замков или отбывшие сроки на каторгах. Исключительно свирепые люди, неисправимые грабители и бессовестные воры. Эти сидельцы отличались от сосланных навечно каторжан тем, что могли отбыть наказание за свои прегрешения и вернуться туда, где раньше жили. В родные дома, поселения или города, чтобы вновь воровать и пугать обывателей.

Как правило, такие людишки после первого срока каторги или тюрьмы опять брались за воровское ремесло и в очередной раз оказывались в отдалённых местах, становясь рецидивистами. Правил человеческого общежития они не соблюдали, а государство презирали. Что касемо обычного человека, так они его своей добычей считали, в пример охотникам.

– Чего помалкиваете? А, Иван Христианович? Какие же способы позволите применить, чтобы услышать ваше благородное слово? Вчерась весьма разговорчивы были! Действительного тайного советника при большой публике проклинали. Афганистаном интересовались. Распутных девок критиковали. Может, жалеете, что с нами поехали по доброй воле? Раскрою секрет: по-хорошему или силой, всё равно оказались бы в этом сарае. Такова ваша планида, то есть судьба-злодейка, – произнёс хриловатым голосом Витольд Людвигович.

«Ой! Неужто с урками каторжными вчера погулял? А может, и наговорил чего-то не того, по глухой пьяни. Вот дурак, эх, конь облезлый. Но почему всё одно бы оказался в сарае? Зачем они охотятся за мной?» – с некой озабоченностью подумал Винагорский.

Однако ни одного слова не сказал. Вновь решил промолчать. На его в прошлом породистом лице интеллигента, а ныне физиономии московского хронического пьяницы отобразилась жестокая мука раздумий.

– Или пропитой мозгой шевелит, или притворяется умершим. Может, он уже и вправду издох, а дышит просто по привычке. А, Витольд Людвигович? Вы как на это смотрите? Не надо было вчера его так поить, говорил я вам. Теперь чего с ним делать? В печь? В болото? Или в землю закопаем? – весело заявил Александр Вениаминович, растягивая слова на манер каторжного сидельца.

Винагорский похолодел. Он сразу и не понял, шуточное это предложение или реальное. Голова загудела, как колокол. Стала ещё тяжелее, чем накануне разговора, в момент мучений от невыносимого похмелья.

Глава 2 Иркутские каторжники

Из «Сборника узаконѣній для руководства чиновъ полиціи и корпуса жандармовъ при расслѣдованіи прѣступлѣній. О значеніи сыскной дѣятѣльности». Изданія 1880 годъ.

«...Если на мѣстѣ прѣступлѣнія, внѣ обитаемаго жѣлища, найдѣны были обрывки пѣчатной или писаной бумаги, клочки одѣждъ и тому подобное, то всѣ это нѣобходимо взять, потому что въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла онѣ могутъ оказать услугу въ такомъ случаѣ, если бы цѣлое, отъ котораго онѣ оторванъ, оказалось въ жилищѣ прѣступника.

Подобно этому, могутъ дать нѣкоторую улику окурки папирось или сигарь, брошенныѣ на мѣстѣ прѣступлѣнія, и этими остатками прѣнѣбрѣгать нѣ слѣдуетъ. Въ практикѣ были такіе случаи, что найдѣнныя около убитаго мѣдныя пуговица прівѣла къ обнаруженію прѣступника, а оказавшійся на шеѣ убитаго обрывокъ пояснаго рѣмня указаль на убійцу...»

Витольдъ Людвигович на вопрос своего спутника не ответил. Он стоял и наблюдал. Бесстрастное лицо не выражало ни чувств, ни эмоций. Александр Вениаминович подошел к портфелю, лежащему на земле. Нагнулся, поднял, повертел в руках, внимательно осмотрел вензеля Московского публичного и Румянцевского музея. После чего взял с земли пучок соломы и вытер им кожаную поверхность от навоза, прилепившегося по углам. Затем раскрыл, заглянул внутрь, ничего там не увидев, засунул руку, прошѣлся по карманам. Обнаружив кусочек картона, поднес к глазам. Это оказался выцветший лист пропуска в музей. Александр Вениаминович внимательно прочел все надписи, а после бросил клочок плотной бумаги на пол сарая и усердно втоптал каблуком сапога в мягкую землю.

– Баерует он, Александр Вениаминович, баерует и серого беса давит. Освободи ему головѣнку и верхние ветки. Он и вчера был как «бык в загоне», тоже беса давил. Клянусь иркутской каторгой, – хриплым басом ответил Витольдъ Людвигович после длительной паузы, опять горестно вздыхая.

– Может, и баерует, но от того нам не легче. Давайте я ему по сопливым мордасам и висячим щекам с бакенбардами лягну сапогом или на ухо каблуком наступлю. Всѣ утрясѣтся враз и встанет на свои места. Сейчас же завоет, запищит и признается в уважении к нашим персонам, – заявил Александр Вениаминович, почѣсывая затылок, громко и лающе рассмеявшись.

«Что за дела? Обращаются друг к другу на вы, по-господски, но жаргонят, как тюремные. Может, всѣ-таки не уголовные урки, а кто-то из давних приятелей разыгрывает?» – испуганно подумал Винагорский, дѣрнув от расстройства левой скулой.

Он начал судорожно копаться в памяти, пытаясь прикинуть возможных участников этой неприятной затеи. Однако на ум никто не приходил. Уже с год как товарищей и приятелей совсем не осталось. Одни разовые собутыльники в прокуренных и пропитых кабаках да соседи по нарам в дешѣвых ночлежках. Они не могли это сделать. Ума у этой швали подзаборной для такого розыгрыша не доставало. Да и для чего?

Иван Христианович прекрасно понимал, что он присутствует где-то на окраине Москвы. Если вчера они гуляли около въездной заставы в город, то сейчас он мог находиться и в деревеньке. Отсюда и куры, запоганившие весь пол в сарае.

Слова, сказанные бывшими собутыльниками, Иван Христианович, конечно, понял. В дешѣвых трактирах и не такого можно наслушаться.

Баеровать и беса давить – примерно было одним и тем же. Подобное выражение означало обманывать или хитрить. «Ветками» считались руки и ноги. А вот выражение «бык в загоне и серый бес» выражало мнение о нем как о человеке немного придурковатом в поведении.

– Ничего в портфеле путного нет, лишь старый пропуск валялся. Эту бумажонку он для пущей важности с собой носил. Чтобы, значит, его за действующего чиновника считали. Выбросить эту портфельюгу надо, – заявил Александр Вениаминович, сплюнув на проходящую курицу.

– Стойте, стойте. Выкидывать в корне неверно. Личность господина Винагорского сама по себе, а портфель сам по себе. Может, сей предмет должностного положения поумнее будет, чем наш дружок Иван Христианович. Вон какой потёртый, много чиновничьих рук повидал. Немерено горюшка людского в себе перенёс. Пригодится, я вас уверяю. Каторгой клянусь, век счастья не видать, – заявил Витольд Людвигович и протянул руку за потёртым портфелем.

– Ну возьмите тогда, я его как раз от навоза очистил, – ответил напарник.

После с неким удивлением рассмеялся:

– Да-да... Ха-ха-ха... Да-да... От навоза очистил. Это прекрасно, теперь он совсем чистый. Осталось душу Ивана Христиановича от навоза очистить раз и навсегда.

Вдоволь повеселившись, Александр Вениаминович подошёл к лежащему на земле бывшему коллежскому секретарю и грубовато снял с его головы дурно пахнущий мешок. Затем развязал ноги и руки.

– Вставайте, господин хороший. Хватит отдыхать, как бездомный пёс после весенней случки, – приказал Витольд Людвигович, пристально рассматривая Винагорского.

Иван Христианович приподнялся, нервно моргая глазами и дёргая скулой, прислонился к стене сарая. Осмотрелся, прикусив губу от расстройства. В добавление к тому, что он видел ранее, его удивлённому вниманию была представлена огромная коллекция старых кладбищенских искусственных венков. Так называемых цветов последней радости. Серые от грязи, бумажные и алюминиевые траурные украшения стояли у стены, которая через дырку в мешке ранее не просматривалась.

«Неужто мы вблизи кладбища? Какое-то гиблое место! А я тут зачем?» – с некоторым внутренним содроганием подумал Иван Христианович.

Он такие места особо не жаловал, если только вместе с похоронной процессией посещал. Однажды, перепив, Винагорский заснул на погосте. А поутру от страха и внутреннего душевного озноба его чуть кондратий не хватил.

Но теперь появилась возможность освежить вчерашние воспоминания и осмотреть новых приятелей. Потому как исходя из обильного застолья внешний вид этих господ он вспоминал всё-таки с трудом. Имена помнил, а как они выглядят, почти забыл. С ним так бывало последний год, видимо, от излишних переживаний и нерегулярного питания.

Мужчин было двое, оба среднего роста. В одежде тоже имелось сходство. Они стояли напротив Винагорского в одинаковых холщовых чёрных рубахах навывпуск, в старых полосатых брюках, заправленных в сапоги, и длинных брезентовых передниках с карманами. На головах одного и второго чернели высокие картузы. Вещи были похожи. Видимо, приобретались в одном и том же месте. Но не это поразило господина Винагорского.

Его ошеломила необычная одежда, размещённая на самодельных, в рост человека, вешалках в середине сарая. Приспособления, изготовленные из свежеструганных суковатых палок, были криво скреплены неправильным крестом и вбиты в землю. На них висели два совершенно новых чёрных похоронных фрака хорошего покроя и материала, с модными, несколько заууженными в этом сезоне, в отличие от прошлого года, фалдами. Под ними темнели чёрные сорочки с накрахмаленными манишками, стоячими воротниками с загнутыми углами. Поверх сорочек были надеты чёрные жилеты на три пуговицы. Выглядывавшие брюки, висевшие на той же вешалке, щеголяли атласными лампасами. Из внутренних карманов фраков частично высовывались белые перчатки. Рядом на крючках, вбитых в стены сарая, висело по паре тёмных шарфов и шляп-цилиндров. Внизу, среди соломы и жирной навозной земли, стояли чёрные лакированные туфли с мятыми и грязноватыми носками, вложенными внутрь.

Одежда, кроме носков, была явно новой, совсем не ношенной. Вещи совершенно не сочетались с куриным дерьмом, ветхим сараем и гнилой соломой.

«Ой! Неужто похоронщики? Интересно, с какой биржи? Тогда при чём здесь каторга, которой поклялся Витольд Людвигович?» – подумал Винагорский.

Иван Христианович подобные наряды знал, как никто другой. Он частенько, когда средства на водку напрочь отсутствовали, подрабатывал «печальным родственником» в одной московской похоронной бирже. Там имелись незамысловатые правила, как душа у белого ангела. С раннего утра построение желающих потрудиться на траурном поприще, затем внешний отбор по физиономии, причёске, фигуре и осмысленности взгляда. После распределяли по заказам в качестве скорбящих сослуживцев или родственников. Особо пьяных, дурашливых и с разбитыми мордами не брали. Лучших, наиболее похожих на достойных жителей Москвы, направляли к богатым покойникам: титулованным особам, промышленникам, генералам, купцам и прочим господам, имевшим при жизни толстые кошельки. Остальных, желающих трудиться на поприще показной скорби, использовали на траурах попроще. Вот там и выдавалась такая одежка: котелки, фраки и панталоны. Те, кто являлся профессиональными похоронщиками, использовали своё собственное траурное одеяние, хорошего качества и пошитое по фигуре.

На одежде сходство мужчин заканчивалось. Витольд Людвигович с тёмно-русыми длинными седеющими волосами, зачёсанными назад, высоким лбом, голубыми тоскливо-усталыми глазами под густо сросшимися бровями создавал вид человека интеллигентного и образованного. Даже обычный курносый нос и излишне полукруглый подбородок не разрушали подобный образ.

Именно с ним вчера в питейных заведениях проходили стихийные дискуссии о современном искусстве и необходимости поддержки публичных музеев в Москве. Надо сказать, что Витольд Людвигович в этом достойно разбирался и был достойным собеседником.

Иван Христианович и его новый друг поклялись на брудершафт в конце попойки вступить в общество друзей Румянцевского музея. Теперь, вспоминая высокую культуру разговоров, у Винагорского в голове не укладывалось, откуда в речах его нового знакомого слышался настоящий каторжный жаргон.

Александр Вениаминович, тоже одетый в холщовую рубаху и полосатые штаны, был более широкоплеч. Лоб и подбородок почти единой пропорции делали физиономию практически квадратной. Волосами не обладал вообще. Голова его была кругла и гладка, как шар. Щекастое красное лицо имело множество складок, среди которых прятался крупный мясистый нос, небольшие усики и широкий рот. Благодаря этой знаменательной особенности он имел большое сходство с китайской съедобной собакой – шарпеем.

Витольд Людвигович вздохнул с неким унынием и произнёс:

– Милостивый государь, дорогой Иван Христианович, я не буду долго беседовать с вами. Вчера мы о многом объяснились, и, полагаю, этого довольно. Разговоры позабавили меня и вернули в мир разумного и развитого общества. Но это было вчера. Сегодня я вам скажу некую досадную вещь. Я и мой приятель Александр Вениаминович – беглые иркутские каторжники. А теперь слушайте внимательно. Это необычайно важно! Сидели мы вместе с неизвестными для вас достойными личностями. Бывшим почётным гражданином Москвы Василием Владимировичем Пеговым и разжалованным поручиком Константином Евгеньевичем Голумбиевским. Знакомы ли эти достойные фамилии?

Иван Христианович молча кивнул головой, подтверждая, и дёрнул левой скулой. Спина покрылась липким потом. Теперь примерный расклад его пребывания в сарае становился отчасти понятен.

Тем временем Витольд Людвигович продолжал свою речь:

– Так вот, господа Пегов и Голумбиевский по суду были лишены всех личных и присвоенных прав и сосланы на житьё в Иркутскую губернию с воспрещением всякой отлучки из

места, назначенного для жительства. Пегову присудили тринадцать, а Голумбиевскому шестнадцать лет. Они являлись приятелями и деловыми партнёрами Павла Карловича Шпейера. Знаком ли вам этот господин?

Винагорский сокрушённо покачал головой. Да так, чтобы было совершенно не ясно, знаком этот человек ему или нет.

Не обращая внимания на поведение Ивана Христиановича, Витольд Людвигович продолжал свою речь:

– Господин Шпейер – весьма способный мошенник. Занимая никчёмную должностёнку коллежского регистратора в государственной системе управления, являлся председателем клуба «червонных валетов», им же и созданного.²

По сути, это был никакой не клуб, а дворянская банда. Сейчас об этом совершенно напрасно подзабыли, но было времечко, когда они гремели по России. Как помните, за ними много преступных деяний: безвозвратные займы, кредиты в банках и у частных лиц, незаконное присвоение дорогих коллекций, лошадей, драгоценностей с последующей продажей третьим лицам, подделка векселей, изъятие чужого имущества и земель, прямое мошенничество, даже убийства. Всего по так называемому делу «О клубе „червонных валетов“» в Московском окружном суде официально проходило сорок восемь господ. До мелких преступников, замешанных в банде, суд так и не добрался. Некоторым господам удалось уйти от возмездия, пользуясь мздоимством, кумовством и лихоимством полиции. Теперь что касается вашей персоны. В тюрьме не сживали, но вороваты хуже уличных босяков, как шелудивый подзаборный и паскудный кот. Совершенно справедливо были лишены дворянского звания и заслуг за кражу двухсот пятидесяти гравюр русской и английской школы из Румянцевского музея. В течение года все произведения нашла полиция, однако ваша жизнь пошла в упадок. Пришлось заплатить большие штрафы, потратиться на взятки. В результате потеряли должность коллежского секретаря. Немалую, по нашим временам, всё-таки приравнивается к поручику или казачьему сотнику. После чего начали спиваться, так как ни один приличный дом не принимал вас, ни один хозяин не брал на работу. Сил и чести застрелиться у вас не хватило. Так ли?

Речь говорившего закончилась очередным глубоким и печальным вздохом. При этом голубые глаза Витольда Людвиговича из-под густых бровей продолжали тоскливо смотреть на бывшего коллежского секретаря.

Иван Христианович утвердительно закивал головой. Ему вдруг стало невольно от услышанной горькой и стыдной правды. В то же время закралась мимолётная мысль, что подобные сведения о его личном моральном и общественном падении практически никому не известны, разве только полиции. Такой расклад явно являлся подозрительным! Где беглые каторжники, а где полиция, обеспечивающая покой и добропорядочность жизни граждан.

– Отлично, судя по глазам, в вашей голове многое прояснилось. Я полагаю, что вы обладаете хорошей памятью и благоразумием. Александр Вениаминович, налейте господину Винагорскому бокал. Возможно, это поможет нам в разговорах. По крайней мере, думаю, не помешает. Да и закусить предложите. Мы с вами совсем не богаты, но достойно воспитаны, – заявил Витольд Людвигович.

– Воспитаны, именно, хорошо воспитаны. Очень прекрасно воспитаны! Мечемся, как приручённая блоха между сисей у купчихи. Прых да прых с одной на другую, но кусать не можем, потому как не велено. Да, да, да! – заявил подельник, до этого внимательно слушавший речь своего напарника, и беззвучно рассмеялся.

Вскоре его веселье перешло в жёсткий и глубокий кашель.

---

² Коллежский регистратор – низший гражданский чин 14-го класса в «Табели о рангах». Погоны или петлицы данных чиновников имели один просвет и одну звёздочку. Формой титульного обращения к коллежскому регистратору было «ваше благородие».

У Александра Вениаминовича был совершенно особый смех: то какой-то резкий и лающий, то отрывистый, то поддакивающий, с хлопками по груди, бёдрам и ягодицам, то беззвучный, с особым придыханием, как у человека с больными лёгкими.

Глава 3 Холерное кладбище

Из «Сборника узаконѣній для руководства чиновъ полиціи и корпуса жандармовъ при расслѣдованіи прѣступлѣній. О значеніи сыскной дѣятельности». Изданія 1880 годъ.

«...При осмотрѣ найдѣннаго нужно быть вѣсьма осторожнымъ въ заключѣніяхъ, нѣльзя сразу полагаться на такое соображѣніе, что орудія, оказавшіяся на мѣстѣ прѣступлѣнія, доказываютъ, что прѣступлѣніе было исполнено въ мѣстѣ находѣнія ихъ. Иногда ловкіе прѣступники для затруднѣнія обнаружѣнія истинъ прибѣгають къ такому способу, что орудія прѣступлѣнія не забрасываютъ, но намѣренно, для виду, располагають въ другихъ мѣстахъ. Совѣршено было, наприѣръ, убійство въ домѣ, ударомъ въ високъ, затѣмъ, для отвлѣченія подозрѣнія, горло убитаго послѣ аго смѣрти было пѣрѣрѣзано, а потомъ трупъ былъ вывѣзѣнъ въ полѣ, гдѣ и брошенъ, около же убитаго былъ воткнуть въ зѣмлю ножъ, которымъ пѣрѣрѣзано аго горло. Подобныя дѣйствія прѣступника значитѣльно затрудняютъ ходъ слѣдствія. Трудно описать всѣ уловки, которыя пускають въ ходъ ловкіе прѣступники для затѣнѣнія истинъ. Поэтому только страго логическое соображѣніе обнаружитѣля прѣступлѣнія можѣтъ указать истину событія...»

После своего неестественного смеха Александр Вениаминович кашлял долго и остервенело. Лѣгкіе весельчака хрипели, как дырявые меха у деревенской гармошки, пугая своими звуками и без того напряжѣннаго Ивана Христиановича.

Винагорскому подобный смех категорически не понравился. При находѣнии в полной жизненной неизвестности, от такого веселья отдавало дешѣвой театральностью и страхом неопредѣленности.

Откашлявшись, Александр Вениаминович направился в угол сарая. Там он откинул старый половик, и взору Винагорского предстала десятилитровая бутылъ, стоящая на табурете, на четверть заполненная жѣлтой жидкостью. Александр Вениаминович налил самогон в большую оловянную кружку, достал из холщовой сумки, висящей на стене, шмат сала и горбушку ржаного хлеба. Вытащил из-за голенища сапога отточенную финку и отрезал толстые, в палец, куски хлеба и сала. Положил друг на друга и вдруг лукаво посмотрел на своего напарника.

– А можно ли православным сало вкушать и самогон? Пост же! Грех! Нехорошему учим! К житейским пакостям нашего пріятеля приучаем! – ехидно уточнил Александр Вениаминович.

– Эх! Новым паскудством жизнь Ивана Христиановича вряд ли испортим. На том свете все ангелы о нём слышаны как об известном московском пропойце, мелком воришке и мошеннике. Он одной рукой Богу молится, а другой с чѣртом здороваётся. Наливайте и не задумывайтесь, – ответил Витольд Людвигович без тени улыбки.

Александр Вениаминович насмешливо покачал головой, подошёл к пленнику и передал угощение страдающему с похмелья и голода Ивану Христиановичу. Винагорский краем глаза заглянул в посуду, там желтел самогон, источая ядрѣный запах кислой вони. Он непроизвольно облизнул губы, как жаждущий в пустыне, и тут же в три приѣма, немного задыхаясь, выпил крепкую и жгучую жидкость. Торопясь и роняя крошки, начал есть хлеб и сало. Полное лицо Ивана Христиановича с провисшими щеками заходило ходуном, как прицепные дышла на колѣсах паровоза. Жизнь вдруг сразу приобрела новое значение, заиграла в цветных красках. Бывшему дворянину показалось, что всё вокруг него является розыгрышем и не более того. Он посмотрел в угол сарая, где стояла бутылъ, и весело подумал, что неплохо остаться здесь на пару дней. Курей можно изловить и зажарить, а самогон позволил бы погрузиться в счастливый мир блаженства и радости.

– Ох, благодарю, господа. От души угодили. От всего сердца благодарю. По-русски! По-нашему! По-товарищески! Полегчало, ох, полегчало, слов нет. Только вопросец один позвольте? – уточнил бывший коллежский секретарь.

Иван Христианович наслаждался счастьем, молниеносно накрывшим его многострадальную голову после самогона, и поэтому уже немного запамятовал, где он и с кем. В нём опять начала проявляться кабацкая пьяная удаль и смелость.

– Валяй! Ишь, каков! Смел, музейный червь! – удивлённо проговорил Александр Вениаминович, переглянувшись с напарником.

– Многовато вы налили, а зря. Слишком уж полегчало господину бывшему секретарю. Тяжелее будет договориться, артачиться станет. Попомните моё слово, клянусь каторгой, – недовольно заявил Витольд Людвигович.

Винагорский, находясь в пьяной эйфории, подобные совсем не лестные рассуждения пропустил, а может, и не расслышал. Душа его пела и ликовала, забыв про верёвки и сарай. Он вновь, посмотрев на угол, где значилась бутылка с самогоном, лукаво уточнил:

– Господа, вы, кажется, надо мной смеётесь! Как же при нашем государственном устройстве с каторги возможно бежать? Такое совсем сказочно! У нас порядки в тюрьмах совершенно взыскательные и строгие. Мне многие об этом говорили. Надувательство, господа! Ай, как нехорошо! Скажите же, ради чего такой розыгрыш? Может, вы по актёрскому делу проходите? Или нанял кто, ради шутки надо мной?

Иван Христианович улыбнулся пьяной гримасой, весело икнул и хитровато взглянул на своих вчерашних приятелей.

– Смотрите, Витольд Людвигович, ваша правда! У нашего приятеля хвост приподнялся всего с одной оловянной кружки. А если ещё налить, то и сарай трактиром обернётся. Даже дёргать скулой перестал. Излечили, значит, самогоном, от нервного тика! Вот такие мы врачи, всем докторам доктора! – насмешливо съязвил Александр Вениаминович.

Винагорский опять миролюбиво улыбнулся. Он старался не обращать внимания на недружелюбные разговоры между вчерашними приятелями, надеясь на скорый счастливый конец розыгрыша. Витольд Людвигович не ответил, только глубоко и натужно вздохнул, видимо, подобным действием выражая согласие с мнением напарника.

Александр Вениаминович насмешливо оглядел Ивана Христиановича и съязвил:

– Сомневаетесь в нашем существовании, господин бывший коллежский секретарь? Да? Напрасно! Уйти с каторги, милый человек, совсем нетрудно. Бегут по-разному: с помощью подкопов, выпилки железных решёток, на рывок, через подкуп конвойных чинов или тюремного начальства, если деньги имеются. А вот выжить после побега почти невозможно. Велика Россия, необъятны её земли. Пока с иркутской земли до матушки-Москвы доберёшься, тебя пять раз солдаты изловят и десять раз волки сожрут. Каждый год сотни бегут, а добегают только десятки. Если в зиму сидельцы уходят, то их и не ловят. Всё одно сгинут, зверьё или таёжные охотники убьют. Вам, Иван Христианович, об этой каре думать рановато. Пока только куриный помёт вам в наказание.

Витольд Людвигович шутивого настроения не поддержал:

– Давайте к делу, господа. Время идёт неумолимо. Самогона вы выпили, надеюсь, голова прояснилась. Так вот, уважаемый Иван Христианович, продолжим нашу беседу. Павел Карлович Шпейер сбежал ещё до суда. Он покинул Первопрестольную вместе с общаком, так называется преступная касса. Бежал он в неизвестном для общества и полиции направлении, бросив своих друзей по незаконной коммерции...

Однако Витольду Людвиговичу договорить свою речь не дал Александр Вениаминович. По непонятной причине, перебивая напарника, тот пустился в пляс. Щёлкая пальцами и пританцовывая, он заговорил скороговоркой:

– Ага! Ага! Конкретно кипишнул бродяга, не захотел по музыке ходить. Не вынесла душа мазурика напяга, гнилых понтов, базаров и судов. Ага! Ага! Пропал наш козырный парнишка Паша. Усох босяк, как мухомор! Общак – с собой! Сам – на заморскую малину! Продал братьев на шахер-махер, пускай на каторге гниют! А где же правда воровская? А где же жизнь от благоты? Паскуда, жди, есть Божий суд, есть грозный суд! Он ждёт и недоступен звону злата!

Винагорского подобное поведение быстро остудило. Так мог вести себя только человек, болеющий нервами и расстройством головы. Витольд Людвигович, глубоко и печально вздохнув, остановил свою речь и уважительно подождал.

Впрочем, пауза длилась недолго. Танец вдруг резко закончился, так же внезапно, как и начался.

Витольд Людвигович как ни в чём не бывало продолжил:

– Так вот, с той поры прошло уже много лет. Общак, нажитых преступным путём, было два. Второй сейчас находится в Москве. Якобы в него входят крупные изумруды, сапфиры, жемчуга и бриллианты. Господа Голумбиевский и Пегов перед нашим побегом с каторги утверждали, что Шпейер имел мысли спрятать кассу в каком-то из музеев Москвы. Якобы он не раз говорил, что нет ничего надёжнее и выгоднее для охраны личных ценностей, чем общественный музей. Платить за безопасность не нужно, а сохранность полная. Где груды государственных драгоценностей, там и личные могут тихонько схорониться. По мнению Пегова, именно вы, являясь помощником управляющего канцелярией Румянцевского музея, консультировали Павла Карловича в вопросах вечных ценностей человечества: картин, книг, различных артефактов и подобных им произведений мастеров прошлого. Такие сведения дают право предполагать о вашей осведомлённости о тайнике. Эти «червонные валеты» на каторге были весьма убедительны. Они заплатили нам некий личный долг этой информацией. Не правда ли, Александр Вениаминович?

Тот вначале промолчал. Достал из кармана неясный продукт в чёрной обёртке, в виде шарика объёмом с двухрублёвую монету. Развернул и засунул в рот. Обёрточную бумажку с красным чертёнком, держащим трезубец, бросил себе под ноги.

После ответил:

– Так и есть, правда неоспорима! Да-да... Ха-ха-ха... Особо были убедительны, когда я по одному уху обоим господам хотел отрезать за карточные долги.

– Вы заблуждаетесь. Меня просто подставили, подвели под эшафот. Ничего об этом не знаю. Да, я трудился во многих музеях, в том числе и в Румянцевском. Однако у господина Шпейера в близких друзьях никогда не хаживал, хотя некоторые услуги оказывал, – испуганно заявил Иван Христианович и вновь дёрнул левой скулой.

Действие самогона заканчивалось. К нему вновь возвращалось нервное состояние и, как следствие, умение мыслить. Винагорский вдруг подумал, что если история и связана с бывшими дворянами Пеговым и Голумбиевским, то только косвенно. Потому как побег с каторги и пребывание в Москве не могло обходиться без основательной помощи господ, обладающих большой властью и деньгами. Слишком уж всё было сложно и невыполнимо для простых сидельцев.

Возможно, речь Винагорского была совершенно неубедительна. Или напарники не желали заниматься рассуждениями, но ситуация тут же обострилась.

– У нас мало времени, уважаемый Иван Христианович, чтобы предаваться светским рассуждениям. Начинайте, Александр Вениаминович, – трагично вздохнув, заявил Витольд Людвигович.

– Я уже готов, человеку всегда пинок нужен. Кого просьба да доброе слово не берёт, того палка по спине враз проймёт. По-другому людина думать не желает, – ухмыльнувшись, заявил Александр Вениаминович.

После подошёл к сидящему на земле Винагорскому, рывком поднял его и поставил на ноги. Теперь бывший коллежский секретарь увидел и ещё одну странную особенность сарая. С потолка, за столбом, стоящим посередине, свисала петля из пеньковой верёвки. Душа Ивана Христиановича похолодела, тело стало деревянным. Вся его сущность затрепетала от страха.

Александр Вениаминович, не обращая внимания на состояние бывшего собутыльника, практически волоком подтащил его к столбу. Затем, несмотря на вялое сопротивление Винагорского, засунул его голову в петлю и слегка затянул верёвку, не создавая окончательной угрозы жизни пленника. После вопросительно посмотрел на трагично молчаливого Витольда Людвиговича.

Тот вздохнул и угрожающе заявил:

– Милостивый государь Иван Христианович. Вы находитесь на холерном кладбище Москвы, сюда никто не забредает. Многие брезгуют и боятся болезней, хотя холера была уж более чем пятьдесят лет назад. А некоторые опасаются нечистой силы. Посему спасения вам не ждать. Выбора вы мне не оставляете, я ведь назвался и друга представил. Открылся, значит, полностью. Рассказал о деле, что нас привело, поделился о себе. Так что же мне делать с вами?

Витольд Людвигович достал из кармана узкий деревянный футляр, исполненный кустарным способом. Поверхность предмета была чёрной от времени и исключительно гладкой от частого использования.

Иван Христианович глупым человеком себя никогда не считал. Он сразу понял, что ситуация может привести к скорой смерти. Подумав с полминуты, бывший дворянин решил уступить и поделиться своими тайнами.

– Хорошо, хорошо, господа! У-у-уговорили! Дайте выпить, в горле сухо и в голове темно. Может, вспомню чего, и это поможет вам в поисках. Но сразу оговорюсь, я знаю мало, – испуганно заявил Винагорский, непрерывно дёргая скулой.

– Будьте добры, Александр Вениаминович, налейте нашему гостю ещё столько же. Но уже без изысков, на рынке ныне всё подорожало, – исключительно серьёзно заявил Витольд Людвигович.

Он открыл деревянный футляр и достал из него длинное острое шило с крючком. У этого мастерового орудия имелась раскладывающаяся Т-образная ручка на манер выкидного босяцкого ножа. Заточенный штырь просто заиграл в лучах солнца, пробивающегося в сарай сквозь щели в досках. Иван Христианович с недоумением и испугом посмотрел на этот необычный инструмент.

– Видите ли, сударь, сапожником и скорняком работал. Тулупы, валенки, сапоги и прочую обувь чинил на каторге. Знаете, я тоже в прошлом дворянин из весьма старинного рода. Мой покойный папенька из тамбовских чиновников, коллежским секретарём службу закончил. Однако мне пришлось страдать и переучиваться. Голод не родная мамка, не пожурит, не накормит. Футляр вот сам сделал, из иркутской древесины. Эх, привык к этой безделице. Не раз мне выжить помогала, поэтому и достойна личного чехольчика, – как-то очень сердечно заявил беглый каторжник, сверкая усталыми голубыми глазами.

При этом он подошёл к Ивану Христиановичу, находящемуся в петле. Посмотрел ему в глаза и показал длинное шило. Тот скосил один глаз и передёрнулся от неприятного ощущения.

– Даже не думайте, что приятель мой из босяков незнамо каких будет. Александр Вениаминович Брыщ из старинного московского купеческого рода. Однако судьба вдоволь посмеялась над ним, уготовила не торговые лавки и коммерцию, а пустые амбары. Всё пропил отец, вчистую прогулял по публичным домам, карточным притонам и ресторанам. Тогда неудавшийся наследник пропитых капиталов, имея разбитной характер, сноровку и крепкую руку, решил восстановить утерянное имущество. Сколотил он ватагу из беглых солдат и воров да начал промышлять на московских трактах. Несколько лет всё сходило с рук. Построил Александр Вениаминович новый магазин, сладил красивый дом и уже собирался жениться. Однако

его изловили и подвергли дознанию. Нещадно били и подвергали оскорблениям. От этого иногда к нему приходит неожиданное веселье. После отправили долгим этапом на каторгу. Там его жизненный опыт пригодился: вместо того чтобы сгинуть, завоевал он почёт и уважение. Но судьбе было угодно дать новый шанс. Теперь он здоров, а впереди счастливое, свободное будущее, – вздохнув, закончил рассказ Витольд Людвигович.

Александр Вениаминович хитровато хмыкнул на слова своего напарника и направился в угол сарая за самогоном, что-то напевая себе под нос. Через пару минут он вновь поднёс пленнику почти полную оловянную кружку с самогоном.

– Пейте, сударь. Полегчает! Мы не звери! Ишь, вывалялись в мусоре, как кот бездомный! – заявил он и шутки ради потрепал Винагорского за правый, свалывшийся бакенбард, на котором висели стебельки грязной соломы.

Иван Христианович выпил, крикнул и заявил:

– Надеюсь, господа, мы с вами благоразумные люди. Вы же понимаете, что убивать меня не за что. Денег нет, имущества тоже, угрозы от меня никакой. О сегодняшнем разговоре буду молчать вечно. Как пень в болоте. Могу вам сказать следующее. Действительно, господин Шпейер спрашивал у меня о каком-нибудь надёжном служащем музея. Только цели интереса не называл. Я посоветовал ему поговорить с помощником хранителя отделения рукописей, летописей и древних печатных книг. В том отделении имелось самое большое число служащих, так как разных исторических трудов было весьма много. Одних древних рукописей насчитывалось почти пять тысяч. Славянских книг более двух с половиной тысяч имелось. Около тысячи значительных иностранных рукописей подлежало переводу...

Витольд Людвигович нетерпеливо перебил:

– Нам рассказы о книгах ни к чему. Давайте по сути разговора.

Винагорский тут же прекратил излагать лишние подробности и вернулся к заданным вопросам.

– Эту должность в те годы занимал коллежский регистратор Альт Герман Германович. Я их познакомил. А вот договорились или нет, сие мне неизвестно, – торопливо ответил Иван Христианович.

Витольд Людвигович поморщился и горестно вздохнул. Александр Вениаминович молча изучал выражение лица Винагорского. На минуту воцарилась пауза, которую интеллигентно прервал Витольд Людвигович:

– Эх! Конечно, это хотя бы какой-то путь, но настолько сложный и долгий. Как в охоте, пошёл на медведя, а напал на след тощей белки. Всё ли у вас? А, господин Винагорский?

– Клянусь честью дворянина! Всё как на духу, – ответил Иван Христианович и улыбнулся.

Самогоном вновь навевал хорошее настроение. Александр Вениаминович вначале весело хмыкнул, а затем беззвучно рассмеялся.

Витольд Людвигович внимательно осмотрел Винагорского с ног до головы тяжёлым взглядом. Затем неожиданно и резко ударил шилом в правое бедро. Несчастный дико заорал от боли.

– Ну? Давай рассказывай, блоха трактирная, – закричал Витольд Людвигович в надежде получить ещё какую-то информацию.

– Ничего не знаю! Господа, помилуйте, ради бога, ничего более не знаю! Как же мне больно. Зачем же так, господа? Вчера мы дружили! – истерично закричал Винагорский.

Александр Вениаминович вдруг хмыкнул, подпрыгнув на месте. После начал исполнять непонятный танец, вихляя всем телом на блатной манер и припевая:

– Далеко в стране иркутской,
Между скал, высоких гор
Обнесён большим забором

Чисто выметенный двор.
Чистота кругом, порядок,
Нигде соринки не найдёшь —
Подметалов там немало,
В каждой камере найдёшь.
Вот по дороге тройка мчится,
В ней неизвестный господин.
Он поравнялся с подметалой,
Тройку вмиг остановил...

Александр Вениаминович приплясывал и хрипло выкрикивал слова песни. Винагорский плакал и стонал, иногда переходя на крик. Витольд Людвигович прислушивался к песне и горестно вздыхал. Это продолжалось несколько минут. В какой-то момент Витольд Людвигович вдруг посмотрел на напарника более долгим взглядом. Тут же Александр Вениаминович стукнул себя по бокам и пуще прежнего заплясал и заорал хриплым голосом:

– Шапку снял, перекрестился,
Как завидел кандалы:
«И за что вас Бог карает,
Ты, служивый, расскажи».
«Где же, барин, всё упомнишь,
Кто за что сюда попал.
Я и сам седьмое лето,
Как свободы не видал.
Я попал сюда случайно,
За изменщицу-жену,
Что убил её не тайно, —
Знать, уж быть тому греху.
Кто за звонкую монету,
Кто за подделку векселей,
За побег с военной службы,
За начальство – сволочей.

Дослушав куплет, Витольд Людвигович впервые за всё время улыбнулся. Только непонятно было, отчего: от пляски напарника, от песни или от неких внутренних эмоций. Его лицо засветилось от потаённой радости. Он вздохнул и, с облегчением выпуская воздух из груди, резко ударил шилом несколько раз в толстый живот Винагорского. Бывший коллежский секретарь снова закричал от невыносимой боли, задёргался. Александр Вениаминович хлопнул себя по бокам и пуще прежнего продолжил пританцовывать и громко напевать:

– Если хочешь ты, служивый,
Я тебя освобожу».
«Не, спасибо, добрый барин,
Я последний день сижусь».
«Ты скажи, скажи, служивый,
Что за этот большой дом,
Кто хозяин всему дому,
Как фамилия его?»
«Это, барин, дом казённый,

Николаевский централ,
А хозяин сему дому —
Сам Романов Николай».
Барин снова сел в коляску,
Крикнул кучеру: «Пошёл!»
Позади его остался
Преогромный, большой дом.³

Остальное в этом гнусном убийстве сделала петля. Тело обмякло. Верёвка плотно схватила шею вдруг потерявшего силы господина Винагорского. Несчастный бывший коллежский секретарь несколько раз дёрнулся и затих.

– Полегчало, да? – заботливо уточнил Александр Вениаминович, вдруг остановившись и прекратив танцевать.

Витольд Людвигович молча кивнул, продолжая улыбаться неестественно счастливой улыбкой.

– Хорошо, что подлечились! Плохо в тяжком душевном состоянии находиться! Что, теперечи это тельце в холерную могилу отправим? – спокойно и грустно уточнил Александр Вениаминович.

Витольд Людвигович неодобрительно поморщился и ответил:

– Нет. Он же говорил про какой-то пень и вечное молчание. Давайте его в Сукино болото, и дело с концом. Пусть там кантуется, с лягами жижуха хлебает вместо самогона. Ваш дружок здесь все тропы знает. Как стемнеет – вывозите. Ну вот, теперь хоть что-то прояснилось. Действительно, мы с вами, Александр Вениаминович, на правильном пути. Может, и не обманули господина Голумбиевский и Пегов. Прав был и заказчик, получается, что все дороги ведут в Румянцевский музей. Завтра при встрече ваш приятель пусть доложит связному о словах Винагорского. Заодно денег попросит на житие. Да выведаёт адрес господина Альта. И ещё. Карманы проверьте и одежду, может, покойный Иван Христианович талисман особый с собой носил. Не нужно полиции след давать. Они охочи по карманам лазить. Смотрите, не роняйте ничего на болоте, вы не особо аккуратны в этом деле.

– Болото само всё изничтожит, без моей помощи. Там всё сгниёт. Что ж, теперь надо будет перебить всех служителей музея, чтобы искомое добыть? – уточнил напарник, сопровождая слова лающим смехом.

– Что вы, Александр Вениаминович, хватит двух или трёх господ! Да если бы и пришлось с десятков изничтожить! Ради «Слезы Денгдита» и не то можно сделать. Алмаз того стоит! – уверил Витольд Людвигович.⁴

– Согласен, если только нас не обманули? Однако, может, и нет совсем никакого алмаза? Да и говорят, такие камни сплошные неприятности приносят. Проклятые, после них одни смерти случаются. Тем более камень не наш, не русской земли подарок, а иноземный. Африканских кровей будет, – ухмыльнувшись, уточнил Александр Вениаминович.

– Может, и нет алмаза, а может, есть. Посмотрим, когда бирюльки Шпейера найдём. Что касаемо всяких проклятий, так подобное от необразованности. Не будьте невеждой! Уверен, мы будем богаты и уедем из России. Нам так не хватает обычного человеческого счастья, – заявил Витольд Людвигович, тяжело вздохнув.

– Согласен! Так и будет, – ответил напарник.

Витольд Людвигович опять печально вздохнул:

---

³ Песни сибирских каторжан, беглых, бродяг и инородцев. Сборники В. Н. Гартевельда. 1908–1912 гг. Каторжанская песня «Далеко в стране иркутской».

⁴ Денгдит («Великий дождь») – в мифологии Африки божество, имеющее облик огромного ребёнка и небесного быка и посылающее на землю дождь.

– Хорошо, коли согласны со мной. Всё-таки прислушайтесь к тому, что я вам сказал. Надо внимательнее быть. В полиции дурней нет, и они не глупее нас. Ну, хватит об одном и том же. Идите, пригласите своего товарища, пусть поможет тело снять и обыскать. Потом выпьем вместе за начало большого дела. Покойника помянем. Мы же с вами ему не враги. Просто так получилось. Отпусти его, тотчас пропёт нас и продаст по пьяной лавочке. Водка – сатанинская жижа, до добра ещё никого не доводила, всё надо в меру делать.

Александр Вениаминович кивнул в знак согласия. Но прежде чем пойти за помощником, поставил рядом с висящим трупом небольшую лестницу. Он упёр её в столб, на котором висел Иван Христианович. Взобрался на несколько ступенек и перерезал острой финкой верёвку, не утруждая себя её снятием с шеи умерщвлённого.

Ещё тёплое тело бывшего коллежского секретаря упало на грязную землю сарая. Лицо Ивана Христиановича как-то особым образом повернулось и осуждающе посмотрело мёртвым взглядом на Витольда Людвиговича. Тот нагнулся и повернул голову в другую сторону.

Кровь продолжала сочиться из ран покойного, а их было с десятков. Куры, вначале всполошившиеся от громких разговоров и падения тела, перестали клевать подножный корм, но вскоре успокоились. Петух, заинтересовавшись запёкшейся красной жидкостью возле лежащего среди куриного помёта Ивана Христиановича Винагорского, пригласил товарок на обед. Они не отказались.

Глава 4 Похороны вдовы поручика Альта

Из газѣтъ «Московскія вѣдомости». Изданія 1885 годъ.

«...Дѣла о лицахъ, обвиняемыхъ въ поджогахъ собствѣннаго имущества съ корыстною цѣлю получения страховыхъ суммъ, увѣличиваются у насъ съ ужасающею быстротой, а въ послѣднѣя врѣмя дѣла эти обратились какъ бы въ эпидѣмическое зло. Въ Московскомъ окружномъ судѣ открылось дѣло о цѣлой шайкѣ поджигатѣлѣй, обвинявшихся въ томъ, что онѣ промышляли въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ страхованіемъ мнѣаго или мало цѣннаго имущества, отличавшагося свойствомъ лѣгко воспламѣняться, и затѣмъ сожигавшихъ аго очень просто придуманнымъ способомъ съ цѣлю получения страховыхъ дѣнѣгъ. Въ номѣрѣ нашей газѣтъ напечатанъ отчетъ по дѣлу, разбиравшемся въ Московскомъ окружномъ судѣ, по коему обвинялись Дидѣрихсѣнъ и прѣкащикъ аго Дѣтловъ въ поджогѣ застрахованнаго имущества. Пожаръ этаго имущества случился въ запертой квартирѣ Дидѣрихсѣна, изъ коей онъ нѣздолго прѣдъ тѣмъ вышелъ со своимъ прѣкащикомъ, и о прѣчинахъ коаго онѣ не могли дать ни одного сколько-нѣбудь вѣроятнаго объясненія. Къ тому же оказалось, что въ двухъ комнатахъ той квартирѣ, гдѣ стоялъ застрахованный товаръ, находились пустые картонки, въ которыхъ нікакаго товара не было. Самъ инспѣкторъ С.-Пѣтѣрбургскаго Страховаго Общества сознался, что онъ прѣнялъ у Дидѣрихсѣна на страхъ за двѣ нѣдѣли до пожара разнаго рода табачный и москатѣльный товаръ, находившійся въ аго квартирѣ, въ суммѣ двѣнадцатъ тысячь рублѣй на полгода; но „нѣ помнѣтъ всѣхъ вѣщеі, бывшихъ въ квартирѣ, и нѣкоторыя изъ ніхъ совсѣмъ не осмотрѣлъ“. Въ томъ же судѣ слушалось дѣло о супругахъ Гуровичъ, обвинявшихся въ поджогѣ сваго часоваго магазина въ Пѣтѣргофѣ, изъ коаго онѣ прѣдварѣтельно вывѣзли застрахованныя цѣнности, частію отправленныя въ Варшаву, а частію заложѣнныя въ ссудной кассѣ; другое, о купцѣ Кузнецовѣ, обвинявшемся въ поджогѣ своаго шляпнаго магазина, гдѣ товаръ и обстановка застрахованъ были въ суммѣ пятьдѣсятъ тысячь рублѣй, хотя нѣсомнѣнными доказатѣльствами удостовѣрѣно, что на такую сумму у наго товара быть не могло...»

За месяц до трагическихъ событій, произошедшихъ въ жизни коллежскаго секретаря Ивана Христиановича Винагорскаго, въ одной изъ губерній необъятной Россійской имперіи происходило банальное, с точки зренія обывателей, траурное событие – похороны пожилой женщины. Лица, участвующіе въ томъ печальномъ действии, даже и не подозревали, какіе испытанія имъ уготовила судьба.

Молчаливая мудрость надгробныхъ памятниковъ Спасскаго кладбища, что располагалось въ городе Туле, навевала мысли о вечномъ страданіи и неразумномъ смыслѣ сей мирской жизни. Мало что нарушало внутренній миръ мѣртвыхъ, навсегда упокоенныхъ въ этомъ месте. Только изредка кричали сумасбродные вороны, обмениваясь сообщениями о еде, оставленной для усопшихъ сердобольными родственниками на старыхъ могилахъ. Сочувствуя человеческому горю, качали могучими головами дубы и берѣзы, подчиняясь волѣ ветра. Поскрипывали деревянные кресты, обозначая людей, лежащихъ подъ ними. Молчливо возвышалась церковь во имя Нерукотворнаго образа Спасителя, называемая также церковью Спаса-на-горе, издали наблюдая за человеческими слабостями и ошибками.

Нѣсколько человекъ, сгибая головы отъ порывовъ ветра, стояли у недавно вырытой могилы. Присутствующіе прятали лица отъ кладбищенской пыли, летевшей въ глаза, рукава одежды и подворотники. На улицѣ стоялъ май, однако особаго тепла не замечалось. Со стороны усопшей присутствовали двое мужчинъ и молодая девушка. Службу правилъ благочестивый священникъ, чѣрную работу исполняли четверо бородатыхъ, нестриженныхъ землекоповъ. Двое родственниковъ, не обращая вниманія на пение священника и его осуждающій взглядъ, курили папироски, напол-

няя свежий воздух инородным сладковатым запахом крепкого дешёвого табака. Один из них, худосочный, невысокий, с бледным, обескровленным лицом, тусклыми глазами, небольшими усиками и острым подбородком, доводился покойной родным сыном. Это был Герман Германович Альт. Он прибыл из Москвы по случаю кончины матушки. Второй господин строением фигуры казался почти копией первого. Судя по поношенной форменной одежде, он являлся нижним чином главного управления почт и телеграфов. Этот почтальон был одет в великоватый мундир чёрного цвета со светло-синим кантом на воротнике и эмблемами в виде скрещённых почтовых рожков и двух пучков стрел. На голове чернела мятая потрёпанная фуражка.

Землекопы, видимо, самые недорогие по найму и поэтому пьяные, дурно пахнувшие и одетые кое-как, предавали тело земле. При этом не совсем умело и аккуратнo опуская гроб в могилу, натужно кряхтя и тихо сквернословя. Усопшая обладала тучным телом. Наконец-то бедолагам удалось исполнить задуманное, что их несказанно обрадовало. Гроб занял своё место на дне ямы, а исполнители ритуала молча вытащили верёвки наружу.

Герман Германович первым кинул горсть чёрной, богатой перегноем земли в свежерытую могилку. Комья внезапной барабанной дробью прошли по доскам последнего пристанища усопшей Агриппины Самсоновны, заставив вздрогнуть Альта и всех находящихся на похоронах. Присутствующие ещё ниже склонили головы, предаваясь демонстративной печали.

Сам Герман Германович в этот момент совсем не скорбел о смерти матушки и не думал о вечном, хотя внешне этого было не понять. Лицо жителя второй столицы империи, с пренебрежительно-бессовестным выражением, испорченное застарелыми питейными мешками под глазами и лёгкой щетиной, умело прятало истинные мысли своего владельца. Возможно, оно представлялось окружающим строгим и осунувшимся от душевных страданий. На самом деле было просто измучено хронической болезнью, давним пристрастием к коньяку и никотину, долгой дорогой и тяжёлыми раздумьями.

Герман Германович, присутствуя на похоронах женщины, давшей ему жизнь, в момент соприкосновения досок гроба с землёй могилы раздумывал о корысти, забыв о грехе алчности. Он прикидывал, сколько будет стоить наследство, доставшееся от маменьки, вдовы поручика Альта.

Покойный отец, будучи офицером кавалерии, положил свою жизнь ради защиты отечества в одной из войн России с Османской империей. Герман Германович его никогда не видел, но считал виновным в своей не совсем удачной судьбе. Ему казалось, что покойный батюшка и недавно почившая матушка не проявили должной заботы о его финансовом положении, несправедливо оставив в этой жизни, полной соблазнов, без особых доходов и накоплений. Поместий, земель, счетов в банках, фамильных драгоценностей у него не было. Как, впрочем, и знатного дворянского родового герба. Если таковой значился бы, то это в корне могло поменять жизнь Альта. Мог должность занять и связи закрутить повыгоднее. Или частично продать, без собственного морального ущерба. Для этого стоило только предложить фиктивный брак какой-нибудь купеческой семье или вдове, озабоченной положением в обществе. И тут же золотишко в кармане. В Санкт-Петербурге и Москве тайно существовали подобные биржи. Многие потерявшие доход высокородные дворяне так делали, продлевая великосветскую сибаритскую жизнь. Более всего ценились французские и аглицкие гербы, графья, бароны и князья, особенно выходцы из древних фамилий.

Наблюдая, как четверо пьяных землекопов-похоронщиков наполняют последний дом Агриппины Самсоновны свежерытой землёй, Герман Германович начал расхаживать около соседних крестов и памятников. Внешне скорбящий сын в уме просчитывал, как быстро можно будет продать родовое имущество. Всего-то и осталось после смерти старушки старенькая усадьба с одноэтажным покосившимся домом на окраине Тулы, участок земли с грядками и садом, домашняя утварь и древняя потрескавшаяся мебель. Хоть маловато, но и то копеечка, внезапный доходец. Дарёному, хоть и по случаю смерти, каждый должен быть рад.

С другой стороны, можно было бы поиметь и гораздо больше денег. Если, конечно, рискнуть, застраховать и поджечь домишко. Со страховыми выплатами творилась полная чехарда. За хорошую взятку инспектора страховых обществ запросто закрывали глаза на заведомый обман. Однако самому не с руки этим заниматься: а вдруг попадётся? Желателен опытный аферист-поджигатель. Конечно, Герман Германович знал и о такой незаконной бирже в Москве. Всегда можно было нанять исполнителя у того же страхового инспектора. Только надобно знать, кто этим промышляет, а то ещё донесут в полицию.

Альт ходил, заложив руки за спину, периодически наступая на чужие венки и могильные холмики, не обращая внимания на присутствующих. Стесняться было некого, на похоронах лишних людей не имелось. На платных визгливых плакальщиц и степенных похоронщиков в смокингах он решил не тратить. Дальних родственников семьи, а также соседей Альт не звал за их дальнейшей ненужностью в его жизни. Товарок-приятельниц у усопшей не имелось, а если бы и были, то тоже остались бы без приглашения. На цветы, службы в церкви и угощения для бедных раскошелиться тоже не соизволил. Ограничился одним дешёвым венком и услугами батюшки из самой бедной церквушки.

Для личного общения на траурном мероприятии присутствовал давний товарищ, бывший дворянин и судейский чиновник Вольдемар Афанасьевич Притопов, человек никчёмный и Альту тоже совершенно не нужный. Однако других приятелей в этом городе у Германа Германовича не имелось, а одному стоять в трауре на кладбище всё же было не с руки. Назавтра Альт собирался отъехать в Москву. Для недолгой компании Притопов пригодился в самый раз. Так сказать, одноразовый приятель. Кроме него, из близких на похоронах присутствовала родная дочь – Мария Германовна, красивая девица двадцати двух годков от роду.

Последние пятнадцать лет Герман Германович проживал в Москве, уехав из Тулы после смерти жены от чахотки. Альт трудился коллежским регистратором и вторым помощником хранителя отделения рукописей, летописей и древних печатных книг Московского публичного музея. Дочь же проживала безвыездно у бабушки почти с самого своего рождения. К своим домашним прибывал Альт редко. Не более раза в три года, ссылаясь на большую занятость и путешествия по огромной Российской империи с целью изучения древних летописей. Ему было известно, что последний год матушка с постели не вставала, поражённая глубоким недугом, не разговаривала и практически была не в себе. Однако Германа Германовича такое физическое положение совершенно не волновало и сострадания не вызывало. Столичная жизнь быстро приучала к душевной чёрствости и стойкому эгоизму.

Незаметно посматривая на молчаливую выросшую дочь, Альт думал, что же с ней теперь делать. Во-первых, Мария получила полное среднее образование, и стоило задумываться о замужестве и предстоящем будущем. В периферийной Туле небогатой девушке хорошая брачная партия или карьера не только не светила, но даже и не отсвечивала ни одним шансом. Что касается Москвы, то там царили современные нравы. Девицы были востребованы в разных достойных сферах деятельности общества. Стенография, телеграф, секретариат, музеи и картинные галереи, обширная розничная торговля, рестораны, няни для отпрысков богатых семей и уход за престарелыми – далеко не полный перечень женских современных профессий. Овладев одной из них, Мария могла прилично зарабатывать. Не быть обузой и не мешать отцу предаваться мужским делам, утехам и наслаждениям. Нельзя сказать, чтобы Герман Германович был весьма озабочен будущим дочери, конечно, нет. Однако несколько капель совести у него всё же имелись.

«Не в проститутки же ей теперь идти, при живом-то отце! Ведь особых средств для достойной жизни не имеется. Как ни поверни, трудиться придётся», – думал коллежский регистратор, осматривая ладную фигуру дочери.

Во-вторых, по давнему свидетельству уже покойной матушки, девица начала отбиваться от рук, связавшись с различными просветительскими обществами, кружками покровитель-

ства животным, секциями новомодных художеств. А также якшалась со всякими студентами, изгнанными из институтов, непризнанными поэтами и литераторами. Как правило, от этой публики до настоящих революционеров всего лишь шаг. Появился у неё и жених, некий Пётр Фёдорович Волошев. Господин – одно «тьфу», бедный и мещанского сословия. Всего лишь студентик, отчисленный из какого-то московского университета за неуспеваемость и споры с профессорами.

Матушка успела сообщить об этом в письме, что прислала года полтора назад. Ещё до своего откровенного слабоумия. Получалось, думала о внучке, видимо, предчувствуя свою смерть.

В-третьих, если и оставить Марию в Туле, тогда продажа наследства будет невозможна, так как Агриппина Самсоновна оставила имущество в двух равных долях. Подобное затруднение весьма беспокоило коллежского регистратора. Деньги были очень нужны по причине нехватки личных финансов на проживание в столь крупном и полном соблазнов городе Российской империи, как Москва. Следовательно, лишая дочь последнего родового пристанища, необходимо забирать её с собой. Иначе никак. Эта причина была наиболее важной в заботе о Марии из всех ранее перечисленных. Так как жить он привык хоть и не с размахом, но в своё удовольствие.

Коллежский регистратор Альт снимал небольшие двухкомнатные апартаменты с маленькой прихожей в одном из дорогих доходных домов в центре Москвы. Квартира имела узенькую спальню и гостиную-кухню в одном предназначении. Постоянной прислуги Герман Германович не держал. Привлекал один раз в неделю горничную из мещанок, двадцати пяти лет, для полной уборки дома да молодую кухарку из деревенских с окраины Москвы для приготовления пищи и закупки продуктов на рынке. Женщины никогда не встречались вместе и, кроме пользы по ведению домашнего хозяйства, оказывали ему иногда ещё и услуги интимного характера. Конечно, за отдельную и весьма немалую плату.

Последнее время спокойная и счастливая жизнь дала трещину. Альту требовалось лечение, с каждым годом силы как-то незаметно таяли. Даже старый форменный мундир, что был положен служащим музея, стал весьма великоват. Видимо, Герман Германович усох в телегах по причине внутреннего недомогания жизненных органов. А месяц назад пришла беда: врач определил начальную стадию чахотки. Причиной болезни доктор посчитал беспрестанно сидячий образ жизни, чрезмерные упражнения для ума, сильные страсти, избыток соли, пряностей, сдобы, вина и слабительных. Якобы излишества, допускаемые Германом Германовичем, мешали пищеварению и затуманивали рассудок, ослабляя организм и делая его уязвимым для всяческих болезней. Страдания, скорбь, гнев, печаль, стыд и несчастная любовь тоже были названы в числе причин, разрушающих душевное равновесие. Особо доктор привёл в пример сапожников и валяльщиков валенок, которые слишком много стесняют торс в работе, сгибают в утруждении спину, что и приводит к страданию грудных и брюшных органов. Поэтому среди названных тружеников много чахоточных. Зачем-то вспомнил о женщинах из высшего общества, запертых в душных домах и, как следствие, часто подверженных подобным заболеваниям. Уточнил, имеются ли ночные поллюции, не перевязывает ли пенис бинтом, не применяет ли всякие французские штучки для получения плотского удовольствия.

Получив категоричный отрицательный ответ от поражённого столь бестактными вопросами Германа Германовича, врач с превеликой благодарностью и мягкой улыбкой взял полагающиеся деньги. Затем дал дельный медицинский совет, записав его на рецепте вместе с наименованием аптечной микстуры.

Заключались пожелания в следующем. Быть умеренным во всём: в еде и питье, страстях и мыслях. Отдельно, на словах, высказался за разумное чередование сна и бодрствования, труда и отдыха, физического и умственного напряжения, душевного покоя, грусти и веселья. Посоветовал почаще бывать на свежем воздухе и посещать места с благоприятным климатом,

желательно на море. Подобный режим обязательно должен был помочь обеспечить равновесие соков и доброе здравие.

Альт вышел от этого доктора совершенно возмущённый незаурядной бестактностью и чётким осознанием своей личной глупости. Герман Германович долго называл врача в своих мыслях разными бульварными словами. Из них «шарлатан» и «коновал» являлись самыми приличными. В перспективе было необходимо искать хорошего доктора, а иначе недалеко и до могилы.

Поэтому продавать усадёбку или сжигать, дабы получить страховое вознаграждение, было весьма нужно, по веским причинам. А в квартире, что он снимал, можно ужиться и совместно с дочерью, тем более ненадолго.

«Если не сможет замуж выйти в первый год, тогда пристрою к благородному человеку в содержанки. Пол-Москвы так живёт, на всех молодых и красивых девиц законных и достойных мужей не напасёшься. А отца, то есть меня, лечить необходимо. А то сыграю ненароком в деревянный ящик вслед за матушкой! Дочь подобное понимать должна. Женщина без сострадания – как коза без вымени», – подумал Альт, вновь посмотрев на красавицу-дочь.

Девушка даже в потрёпанном чёрном траурном платье и старенькой лёгкой накидке выглядела весьма соблазнительно, несмотря на похоронную печаль. Стройная, чуть выше среднего роста, с желанными для любого мужчины женскими выпуклостями, она радовала взгляд своей ладной фигурой, тонкой талией и крепкими бёдрами. Длинные чёрные волосы, в связи с трауром свёрнутые каким-то особым порядком под давно устаревшую модель фетровой шляпки «Данишевъ», создавали некую загадочность. Миловидное, идеально овальное лицо украшал высокий лоб, изящно изогнутые брови, несколько раскосые, наглые глаза изумрудного цвета и небольшой «лисий» носик. За сочными, тёмно-красными, как спелая вишня, чётко очерченными губами при разговоре появлялись почти идеально ровные, местами излишне острые жемчужно-белые зубы. Высокие скулы и заострённый подбородок имели пока ничем не подтверждённую претенциозность на аристократизм.

«Хороша собой, Москву завоюет, если ненароком не оступится. А вот для этого я и существую! Рара, как говорят французы! Отец! Папенька завсегда должен осознавать свою ответственность и заботиться о родном чаде. Таковую в содержанки к генералу или промышленнику пристроить можно. Вон как кровь играет!» – подумал Альт, строя планы насчёт дочери.

То, что раздумья являлись мерзкими, глубоко грешными и порочными, его совершенно не беспокоило. Герман Германович считал, что порядочность и высокие идеалы придумали люди, не имеющие надлежащей хитрости и практической хватки. Мысли вновь вернулись к родовой усадёбе. Продажу имущества он с дочерью пока ещё не обсуждал. Тему поджога тем более не намеревался озвучивать. У девиц в голове одни глупости в этом возрасте, может и растрепать товаркам. Кроме того, по причине отсутствия участия в воспитании дочери совершенно не знал о её моральных принципах. Да и родимый дом с садом ещё толком не видел и не оценивал, прибыв в Тулу буквально за три часа до выноса тела. Хотя и так было известно, что много за него не выручишь. Покосившееся старого бревна строение под крышей, поросшей мхом.

Отношения между Альтом и дочерью строились уважительные. Вроде бы ни в письмах, ни при встрече осуждения его поведения Мария не высказывала, и это обещало добропорядочный диалог.

– Эх! Пора уже домой, помянуть покойницу надобно. Пойдёмте, дорогие мои. Агриппину Самсонову не вернёшь. Уж пожила хорошенько, достойно. Аж восемьдесят восемь лет общество и нас радовала! Вас, Герман Германович, как достойного человека воспитала и Машеньку с малых лет подняла. Вон какой красавицей дочь стала! – восхищённо заявил Притопов, не сводя похотливых, слегка пьяненьких глаз с крепких грудей девушки.

Альт, находясь в раздумьях по поводу судьбы старой усадьбы, не расслышав слов приятеля, промолчал.

– Друзья, прислушайтесь! Пора уже идти по домам, помянуть надо бы старушку. Матушку не вернуть. Вон уже и батюшка устал молитвы читать и кадилом махать, – вновь с сарказмом заявил Притопов, дыхнув в сторону священника перегаром.

– Эх, горемычный! Греховных мыслей и дум человек. Негоже в последний путь Агриппину Самсоновну пьяным провожать. Да Господь тебе судья. Мне пора. Идите и вы с Богом, – укоризненно заявил суровый священник и первым покинул кладбище.

Альт, в отличие от батюшки, без осуждения посмотрел на Вольдемара Афанасьевича Притопова. Тот по-прежнему, как и ранее, был непомерно говорлив и нагл. Так обычно ведут себя гонористые адвокаты, мелкие чиновники судов и всевозможных присутствий, которым часто приходится общаться с людьми. Альт знал его давно, ещё с той поры, когда оба проживали в Туле. В то время Притопов трудился в Тульском окружном суде канцелярским чиновником, а Герман Германович служил в местном музее, что был открыт при Тульском оружейном заводе. Потом знакомство сошло на нет в связи с переездом Альта в Москву. С 1871 года дружба возобновилась. В этот год Притопов вошёл в организованную банду Шпейера, в которой Альт занимался оценкой и тайной торговлей всякими ворованными произведениями искусства.

Притопов, ранее имевший два имения, одно в Тульской, а другое в Орловской губернии, к тому времени полностью разорился по причине азартных пристрастий. У него никакого состояния не осталось вообще, всё проиграл в карты подчистую. Однако при увольнении из Тульского окружного суда, где он служил канцелярским чиновником, смог сфабриковать фиктивные документы на несколько усадеб без указания мест их нахождения.

В августе 1871 года Притопов приехал из Тулы в Москву. Через связи Альта познакомился с некоторыми членами банды, занимавшимися мошенничеством и подлогом. Те убедили его в лёгкой возможности продавать и закладывать несуществующее имущество. Был разработан план, и вскоре Вольдемар Афанасьевич стал выдавать себя за богатого человека. Он многим рассказывал, что владеет в Орловской губернии множеством земель. В окрестностях Тулы располагает доходным домом, усадьбой и винокурным производством, а рядом с Тамбовом процветает конный завод.

С этого времени всё неумолимо понеслось: векселя, займы в банках, двойные и тройные продажи несуществующих усадеб, апартаментов в доходном доме, земель, заводов, картин и коней. Надувательства периодически вскрывались, но подельникам удавалось запугивать и уговаривать обманутых клиентов. Так удачно шло аж до 1877 года, до самого уголовного преследования. На суде Притопова не только лишили дворянства, но и приговорили к трём годам заключения. Свой срок он добросовестно отсидел в Орловском губернском тюремном замке. Конечно, нары никого не делают красавцами. Годы, проведённые на казённых харчах, негативно отразились на лице приятеля. Оно стало совсем старым, дряблым, покрылось поперечными и продольными морщинами. Появилось необычное и пугающее сходство с головёнкой черепахи. Глаза, ранее достаточно живые, теперь вообще не знали покоя. Моргали и косились в разные стороны, как чумные. Сломил его жизнь и судьбу та неудачная коммерция. Последние годы бывший дворянин Притопов трудился рядовым почтальоном, более его никуда не брали. Да и на это место устроился благодаря старым знакомствам.

– Пойдём, Мария! Действительно, пора, матушку не вернёшь. Сироты мы с тобой, – заявил Герман Германович и краем платка вытер несуществующие слёзы.

Он держал марку печального отца, стараясь перед дочерью выглядеть в трауре. Девушка молча отошла от свежей могилки в сторону. Затем, закусив пухлую губу, насмешливо посмотрела на родного папеньку. Не стыдясь батюшки, достала столичную, Санкт-Петербургскую папироску «Конфетка». Не простую и бульварную, а дорогой торговой марки «Бобров и Холо-

дов», которую с большим удовольствием закурила. При этом, как босячка, неумоимо крутила и вертела пачку в руке. Альт так и обомлел, не зная, что сказать. Дочь вдруг повела себя вызывающе, неприлично и нагло. Кстати, как он заметил, её папироски были в пять раз дороже тех, что имелись у него самого. Немного подумав, он решил повременить с нравоучениями, чтобы не усугублять ситуацию. Герман Германович сделал вид, что ничего не происходит, и покладисто ждал, пока девушка натешится дымом, рассматривая непоседливых ворон и чужие памятники.

Вдоволь накурившись, Мария бросила остатки папиросы себе под ноги и затоптала каблуком. После, хитровато взглянув на Альта, заявила:

– Не убивайтесь, батюшка, сладим как-нибудь с этой жизнью. Ведь вдвоём сподручнее. Ежели мы вместе, то, значит, уже не сироты. Да и Вольдемар Афанасьевич с нами, не бросит, надеюсь. Он ведь настоящий друг.

Почтальон усмехнулся, закатил пьяненькие глаза к небу, тем самым подтверждая свою преданность. Альт прочёл на лице дочери недюжую для девицы смелость, независимость и наглое отсутствие всякого почитания старших.

«Опасная девка, надо будет побыстрее её пристроить, а то греха не оберёшься. Чертей в ней много, да и порочность уже появилась. Только при чём тут Вольдемар? Как же он другом для Марии стал? Ладно, позже узнаю», – подумал Герман Германович.

Однако вслух Альт заявил совершенно другое. Ласково обняв дочь за плечи, ответил:

– Верно, дочка, думаешь, так и будет. Скоро в Москву поедем, там у тебя будет новая жизнь. Хватит в глухомани прозябать!

Вместе с Машей Альт направился к выходу с кладбища.

Вслед устремился и Притопов, слегка пошатываясь. Он шёл и косил глазами по сторонам, опасаясь упасть в узких проходах или коснуться крестов и надгробий руками. Его слабое, хилое и болезненное тело так и норовило свалиться на чью-то могилку.

Наняв извозчика, стоящего у церкви, направились домой, на Алексинскую улицу. Уже подъезжая к усадьбе, минуя дом самоварных фабрикантов Фоминых, расположенный на этой же улице, Альт увидел мальчонку, торговавшего газетами. Он остановил пролётку и купил старый номер «Тульских губернских ведомостей». Потом, немного подумав, приобрёл и номер «Московских ведомостей» недельной давности, тех, что издавались при Московском императорском университете. Такая застарелая пресса была в три раза дешевле последних выпусков.

– Зачем свежие номера брать? Деньги на ветер. Тула – городишко периферийный, здесь события месяц по одному кругу ходят. А в Москве все новости веские, по полгода значение имеют, – демонстративно заявил Альт молчаливым спутникам.

Пояснив свою скупость, уткнулся в прессу. Вначале в местную. Он особо не любил газет, но тут перед дочерью и старым спившимся приятелем решил показать своё превосходство, учёность и современность мысли.

На первой полосе «Тульских губернских ведомостей» доносилось до публики о новых идеях лучшего обустройства морского канала от Кронштадта к Санкт-Петербургу. Сообщалось широкому обществу, что «Дворянский поземельный банк» давал долгосрочные ссуды под залог земельной собственности. Активно обсуждалось новое ухудшение англо-русских отношений и строились прогнозы о военном конфликте, способном перерасти в полномасштабную войну. Целая статья была посвящена апробированию в Москве и Владимире нового закона о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих. Особыми экспертами обсуждались преимущества и недостатки отменённой подушной подати со всех крестьян России. Это наносило большой ущерб казне, аж в сорок миллионов рублей ежегодно. Чтобы возместить потери, правительство решило повысить налог на спирт и увеличить прямые сборы с государственных крестьян как наиболее зажиточных. Тут же сообщались подробности об апрельском походе писателя и известного чудака, пренебрега-

ющего правилами общества, графа Льва Толстого с двумя спутниками из Москвы в усадьбу Ясная Поляна. Альт сделал вид, что увлечённо читает политические и экономические новости. Некоторое время позёрствовал, наслаждаясь произведённым эффектом столичного жителя, а затем перевернул лист на местные новости. Там писалось об открытии нового самоварного цеха фабрики Фоминых. Указывались цены на продукцию. Самый дешёвый самовар стоил семь, а самый дорогой – триста рублей за штуку. Альт с грустью и жёсткой завистью подумал об успехе промышленника-самоварщика Петра Фомина. Герман Германович знал его ещё тогда, когда тот отказывал себе во всём ради цели стать обеспеченным человеком.

В далёкие времена молодости Альта Фомин копил свой капитал тем, что скупал и перепродавал скот да перебивался слесарным делом. Тогда, десятилетия назад, Герман Германович смотрел на него свысока, проводя время в тёплых музейных комнатах. А теперь судьба всё перевернула, Фомин – промышленник! Сам же Альт похвастаться удачей не мог. Как был умным музейным нищевродом, так и остался. Ни богатства не нажил, ни почестей. Внутренне огорчившись, Герман Германович сложил местную газету и открыл московскую. Тут же его взгляду предстала заметка, в которой активно обсуждались некоторые случаи умышленного уничтожения собственного имущества путём поджога. Приводились примеры из залов судов. Господ, подвергшихся уголовным наказаниям за подобное мошенничество, было в достатке. Полиция и власти грозилась ужесточением надзора и увеличением сроков тюремного наказания. Герман Германович мысленно чертыхнулся и тут же закрыл газету в неудовольствии.

«Коль нельзя поджечь, так будем продавать», – подумал Альт, расстроившись от недополученной выгоды.

Достигнув родовой усадьбы, Альт выпрыгнул из пролётки, расплатился с кучером и хорошенько осмотрел покосившееся строение, стоящее в окружении старых яблоневых деревьев. Внешний вид не предвещал больших денег от продажи. Кроме того, к его глубокому сожалению, всё незначительное богатство принадлежало не только ему, но и дочери. Альт опять чертыхнулся, теперь уже вслух, плюнул сгоряча на родное крыльцо и в грязных от кладбищенской глины туфлях вошёл в дом. Он давно уже не был в провинции и совсем забыл, что такой поступок является исключительно дурной приметой. Как на Руси давно известно – плохие приметы всегда мстят тому, кто их не почитает.

Глава 5 Тайна старого подвала

Из «Отчета врачебно-полицейского (санитарного) отдела медицинского департамента Министерства внутренних дел». Издания 1885 годъ.

«...Тайныя торговля ядовитыми и сильно-дѣйствующими вѣществами, какъ видно изъ инспекторскихъ отчетовъ, существуетъ почти во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ. Мышьякъ, сульма и киноваръ составляютъ главные прѣдмѣтъ этой тайной торговли и большею частію хранятся мѣлками торговцами въ скрѣтныхъ мѣстахъ ихъ лавочекъ и подъ благовиднымъ прѣдлагомъ – для лѣченія скота или истрѣблѣнія вредныхъ животныхъ – продаются лицамъ, которымъ довѣряютъ. Во многихъ, впрочемъ, мѣстахъ въ тѣченіе отчетнаго года эта тайныя торговля обнаружѣна надзоромъ, и производившіе ее прівлѣченъ къ отвѣтственности. Прі рѣзвизіяхъ аптѣчныхъ магазиновъ, носкотильныхъ и другихъ лавокъ врачебныя управлѣнія совмѣстно съ полиціей въ отчетномъ году нашли нѣмало нѣисправностей и злоупотрѣблѣній въ торговлѣ ядами и сильно-дѣйствующими вѣществами. Обнаружѣна такжѣ въ нѣсколькихъ случаяхъ противозаконныя продажа фельдшерами сильно-дѣйствующихъ срѣдствъ больнымъ, обращавшихся къ нимъ за врачебною помощію...»

Четыре небольшие комнатки отчего дома встретили Германа Германовича пыльными окнами, многочисленными трещинами оконных рам, давно не белѣнной печью, серостью выцветших обоев, рваными половиками, плесенью в углах и толстой паутиной. Видимо, Мария домовитостью и чистоплотностью вовсе не отличалась. Уныло стояла старенькая мебель с облупившейся краской. С полок шкафа выглядывала сиротливая посуда двадцатилетней давности, не имеющая цены по своей ненужности и убогости. Со стен укоризненно посматривали на блудного сына немногочисленные выцветшие фотографии батюшки в военной форме и матушки в красивом платьѣ. Строго и осуждающе глядели лики святых на образах в красном углу.

Альт вздохнул и даже прослезился от злости к родителям и жалости к себе. Продавать тут особо было нечего.

В скором времени Герман Германович, пожелавший накрыть стол у старой печи, наблюдая, как сноровисто дочь сервирует поминальный обед, и дождавшись окончания трудов, трагическим голосом заявил:

– Спасибо, доченька! Видно, справной хозяйкой покойная матушка тебя воспитала. Ступай, отдохни, а мы с товарищем посидим, о тяжелой жизни подумаем. Ступай, милая. Сегодня день тяжким оказался. Любимая наша Агриппина Самсоновна отдала Богу душу и навсегда ушла в мир иной. Царствие ей небесное.

Альт, поблагодарив дочь и предложив заняться женскими делами, надеялся посплетничать по душам с Притоповым, заодно и обсудить коммерческую цену усадебки и возможных покупателей. На удивление Германа Германовича, план провалился с треском. Мария, хоть мило и кротко улыбнувшись, тут же показала неожиданную своенравность:

– Вы, папенька, о себе пекитесь. В своем доме имею право находиться где пожелаю и столько времени, сколько пожелаю. Если тайны имеете, то напрасно. Ни одно решение относительно меня или семейного дома без моей воли на то никак не сбудется, – дерзко заявила девица и, тихо и смиренно вздохнув, осталась за столом с мужчинами.

Конечно, Альту подобное поведение опять категорически не понравилось. Однако, как человек тонкий и разумный, он решил с воспитанием дочери до продажи дома и землицы вновь повременить.

Посидели, выпили не чокаясь. Немного посудачили о потустороннем мире, что ждал старушку. Употребив ещё по несколько рюмок, перемыли кости местному губернатору, не забыли худым словом помянуть и московского. После чего Герман Германович наконец-то завёл речь о стоимости недвижимого имущества и возможности его скорейшей продажи. Тут произошли неожиданные события, полностью изменившие историю вопроса.

Вначале внезапно прибыл нежданный гость, Пётр Волошев. Мужчина двадцати восьми лет, уже имеющий пролысину, сутуловатый и излишне суетливый. Судя по письму покойной матушки, он и являлся женихом дочери. Возможно, нежеланным он был только для Альта, так как Мария с его прибытием сразу повеселела. Что же касается Притопова, так тот совершенно не скрывал своей радости и дружелюбности к бывшему студенту.

Гость сдержанно поздоровался с Альтом, тихо и невразумительно представился. А затем, даже не крестясь на образа, имеющиеся в переднем углу, с молчаливого одобрения Марии, нагло уселся за поминальный стол наравне со всеми. Под дружескую улыбку Притопова и после его гостеприимного предложения Волошев не отказался и от стопки настойки, после которой хорошенько закусил. Особо налегал на рыбную закуску, самое дорогое, что стояло на столе. Это весьма возмутило Германа Германовича, однако, помня о своей цели, он вновь сдержался. Скандал за столом после похорон был совсем некстати да и не по русским обычаям.

Далее ситуация вообще пошла под откос. Вольдемар Афанасьевич Притопов, выпив очередную стопку и посмотрев на Альта сильно посоловевшими глазами, внезапно выдал несурязицу:

– Никак нельзя продавать усадьбу! Никак нельзя! Вот и Мария против!

– Это как же нельзя? Чего ты спьяну мелешь? Мария в Москву поедет вместе со мной. Чего ей здесь одной делать? Я снимаю хорошие апартаменты, в центре города. Неплохо зарабатываю и её пристрою. Там, глядишь, замуж выйдет, и детишки пойдут, – недоумённо парировал Альт.

Он был так возмущён предательством старого товарища, что даже не стал делать замечания Петру Волошеву. А тот, по мнению Германа Германовича, вёл себя крайне неподобающе. Вместо скромного присутствия за столом, как полагается по русским обычаям, после настойки вздумал активными кивками выражать полное одобрение словам Притопова. Более того, сам себе налил стопку и тут же выпил. И такое наблюдалось при отце Марии, то есть Альте. Возмутительно!

– Герман Германович, дорогой мне человек. Эх! Ну никак нельзя продавать. Ну никак! Уже всё продумано по-другому! Всё решено и predeterminedено до самых мелочей, – продолжал настаивать на своём пьяный Притопов.

– Да что такое ты несёшь? Остановиться не можешь! Так сильно пьян, что мозги отказали? – недоумённо воскликнул ничего не понимающий Альт.

– Ты прости меня, Герман Германович, прости! Согрешил я с Машей. Матушка твоя лежала и не мыслила, пребывая в некоторой деменции последний год. Редко к ней память возвращалась. На что-то жить было нужно, вот и случилось ужасное. Сбил я девку с истинного пути. Однако она талантлива и на многое способна, поэтому и интерес случился, – заявил старый приятель, стыдливо поднимая пьяные глаза.

– Чего сотворил?! Как посмел, мерзавец? А как же жених, Пётр Фёдорович, что здесь присутствует? – закричал Альт, не в силах сдержать возмущения и ничего не понимая.

– А что жених? Жених как жених. Мы же втроём, так сподручнее! – весело ответил Притопов, пытаясь сфокусировать взгляд на московском приятеле.

Сердце Альта заколотилось в груди, как десяток паровых двигателей. Конечно, в Москве и не такое в борделях творилось. Однако в своём доме Герман Германович подобного греха допускать не желал. Он был готов убить старого товарища за подобное похабство. Чего-чего, а о такой мерзости он и подумать даже не мог. Но тут на защиту Притопова встала Мария.

Девушка смело стукнула ложкой о графин, требуя тишины, и заявила:

– Не о том вы, папенька, подумали, не о том. Не о греховном или телесном идёт речь. Вернее, о греховном, но не о телесном. Вольдемар Афанасьевич всю правду о вашей с ним замечательной дружбе рассказал ещё два года назад. Так что все уголовно наказуемые похождения мне известны. Не утруждайте делать из себя благонаправленного подданного империи. Думаю, что ваша совесть и не такое стерпит. Год назад он предложил совместное коммерческое предприятие. Я некоторое время раздумывала, сомневалась, а потом решила с ним быть в компаньонках. Тем более жили мы с бабушкой безденежно и без вашей помощи. Да я не упрекаю, понимаю, что географическое изучение России важнее престарелой матушки и дочери.

– Ничего уразуметь не могу. Хоть убейте, – промямлил Альт.

Угрызения совести его действительно совершенно не мучили, но смущали неясные речи Марии.

– Милый папенька, следуйте за мной и сейчас всё постигнете без излишних рассуждений. Чего пустую воду в ступе толочь, – заявила дочь с доброй улыбкой.

Она встала из-за стола и направилась в комнату почившей Агриппины Самсоновны. Мария была убедительна, а её речь настолько открыта, наивна и добра, что Альт сразу последовал за ней.

Пока он шёл, то думал, порочна и лицемерна его дочь или безгранично глупа? Потому как подобное поведение для девиц её возраста было весьма редким и могло привести к тяжким последствиям.

Вольдемар Афанасьевич, гнусно улыбаясь и пошатываясь, последовал вместе со всеми. Они вошли в соседнюю комнату, открыв разошедшуюся дверь. Девушка легко отодвинула кровать благодаря смазанным колёсикам, имевшимся на массивных ножках. Именно на этом ложе провела последний год покойная Агриппина Самсоновна, не догадываясь, что охраняет тайну дома.

Затем Мария откинула лежащий ковёр и подняла дверцу в полу, в подвал. Взгляду Германа Германовича предстала удобная деревянная лестница, что вела в глубину. Насколько он помнил, подвал в доме присутствовал изначально, но вход в него имелся только с улицы.

«Видимо, перестроили. Только для чего?» – подумал Альт.

Девушка уверенно ступила на лестницу первой, спустилась и зажгла несколько свечей и масляную лампу, висящую над большим рабочим столом. За Марией последовали остальные. Оказавшись внизу и оглядевшись, Альт понял, что очутился в примитивной лаборатории.

Пространство подвала позволяло стоять в полный рост и было достаточно большим, шагов десять в длину и ширину. У одной из стен имелась голландская печь. Над ней на закопчённых верёвках висела вытяжка для удаления химических паров и отходов от горения. Другая стена была занята шкафом, уставленным банками и колбами, наполненными сыпучими составами и жидкостями. На одной из его полок стройными шеренгами, по десять в один ряд, темнели аптечные пузырьки. Герман Германович насчитал их более ста. Настойки были двух видов – успокаивающий сироп миссис Уинслоу, содержащий морфий, и лауданум – опиумная настойка на спирту.⁵

Альт осмотрел следующую полку. Там стояли книги. Он взял в руки две из них и с большим удивлением прочёл названия. Первым трудом являлось «Основание чистой химии» под общей редакцией академика Санкт-Петербургской Академии наук Германа Ивановича Гесса.

---

⁵ «Успокаивающий сироп миссис Уинслоу» продавался с 1845 года в Америке и Европе. Являлся запатентованным лекарством, изобретённым миссис Шарлоттой Н. Уинслоу и составленным из ныне запрещённых веществ. В 1911 году данное псевдолекарство подверглось критике медицинского сообщества, а в 1930 году – изъято из обращения.

Вторым сочинением – «Основы химии» профессора Императорского Санкт-Петербургского университета Дмитрия Ивановича Менделеева. Альту тут же стало всё предельно понятно.

– Какой ужас! Интересно, вы с ума полностью сошли или наполовину? Зачем создали подпольную лабораторию? Что же здесь производится? Кто надумил нарушать закон?! – уточнил Альт, прикрыв рот трясущейся от ужаса рукой.

Маша, наморщив красивый лобик, с некоторым сарказмом ответила:

– Полно, папенька, так волноваться, а то ненароком следом за Агриппиной Самсоновой последуете. Сердце может переживаний и тяжестей не выдержать. В этой лаборатории любые сильнодействующие составы можно варить. Все четыре разряда ядовитых и психотропных веществ. Что мы с успехом и делаем. Любые этикетки сами изготавливаем. Сейчас вот подготовили к отправке по индивидуальному заказу «Сироп миссис Уинслоу».

В этой настойке содержание успокаивающих веществ превосходит в несколько раз рецептурное, а в остальном всё так же, как и в аптеке. Папенька, это же очень выгодно для коммерческого интереса. К чему подобное расстройство?

При этом она мило улыбнулась, показав остренькие белые зубы, притворившись наивной. Как заметил Альт, дочь очень часто делала простодушное и доверчивое лицо, что совершенно не соответствовало её внутреннему состоянию. Иногда ему начинало казаться, что Мария – весьма циничная и непредсказуемая особа с железным характером и испорченной душой от рождения.

Согласно особым правилам торговли ядовитыми и сильнодействующими веществами, указанными в «Своде законов Российской империи», подобные материалы разделялись на четыре разряда. Такое определение зависело от большей или меньшей их опасности для здоровья и жизни людей.

К первому разряду относились ядовитые вещества, удобные для применения с преступными целями, ко второму – используемые для технических нужд, к третьему – необходимые исключительно для изготовления лекарств. К последнему – все остальные.

Торговать веществами первого и второго разрядов разрешалось только коммерческим предприятиям, избранным для этих дел государством и проверенным полицией. Или исключительно аптекарям, имеющим подобную лицензию. В специальных учётных книгах, которые торговцы получали от губернского медицинского начальства, необходимо было записывать отпуск веществ первого и второго разрядов под расписку от покупателя.

Обязательно указывалась дата покупки, звание, имя и фамилия клиента, свидетельство, на основании которого произведена продажа, количество проданного вещества и обязательства покупателя в обеспечении надёжного хранения. Запрещено было смешивать и продавать сложные составы.

– Кто же это покупает? Революционеры и террористы? – еле слышно уточнил Альт, задыхаясь от возмущения и страха.

Вольдемар Афанасьевич, ухмыльнувшись, ответил:

– Да что такое удумали? Эх, Герман Германович! Какие террористы и революционеры? После убийства государя Александра II таковых, способных к отчаянным поступкам, нет в империи. Сейчас в оппозиционерах одна мелюзга! Как прежние смельчаки, руку поднять на нового государя-императора неспособны. Всех решительных, слава богу, изничтожили под корень, до единого. Кого повесили на плацу Семёновского полка, кого расстреляли в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Или сгноили в тюрьмах на Карийской каторге, что на реке Кара. Теперь новых придётся ждать лет двадцать, не меньше. И поделом им, нечего устои государства рушить. У нас покупатель другой, домашний, бытовой. С политикой не связанный! Причины приобретения контрабандных товаров разные, от тайного лечения заболеваний до душевных болезней и мерзких зависимостей. Может, кто и смертельно отравит кого

пожелает. Однако, опять же, в личных целях, из-за собственной душевной неуравновешенности или семейно-бытовых претензий. Однозначно без политики!

– Вы хоть представляете, для чего можно применить сироп Уинслоу и лауданум? Вы отдаёте себе отчёт, кому нужны подобные микстуры? – уточнил Альт, задыхаясь от возмущения.

– Папенька, милый, прекращай тиранить свою душу. Конечно, представляем. Лауданум – идеальное средство для «дурманщиков» и всяких неправильных людишек. Кокотки опаивают этим раствором доверчивых господ, а потом грабят или шантажируют. Но нам что с того? – мило проворковала девушка.

– Всё дочь ваша, дорогая Машенька придумала. Я только идею подал да в вывозе помогаю. Она в химии смышлена, особый талант имеет.

– А если узнают, а как полиция выявит? – испуганно уточнил Альт.

– Ежели узнают? Ежели выявят? А разве мы с вами ранее дела не делали? Вон дочь какой кралей стала. Ей деньги на обустройство нужны. Что же, Марии всю жизнь за чужими детками горшки выносить? Или в содержанки податься? – нагло улыбаясь, вызывающе уточнил Притопов.

Альт не сдержался. Даже не дослушав старого приятеля, переживая в большей степени за себя, чем за дочь, заявил:

– Крала – это, за между прочим, дама в картах или босяцкая девица с хорошей внешностью и разгульными манерами. Вы, Вольдемар Афанасьевич, тюремными жаргонами тут не козыряйте. Моя дочь строга к своему поведению, за пределы общественных нравов не выходит. Разговор идёт о жизни и будущем моей наследницы. А ежели посадят, а ежели на каторгу? Вам-то всё едино, вы уже сживали в тюрьме. А я подобной участи Марии не желаю. Она у меня единственная.

– Вот оно как! Ранее дочь-то свою годами не видывали, а тут единственной стала. Удивительно и неожиданно. Успокойтесь, Герман Германович. Успокойтесь и душу не бередите. Продажа такого товара, если тяжких последствий не наступило, наказывается гуманно. В первый раз придётся в тюрьме посидеть месяца два-три. Если уж во второй раз ошибёмся, то заключение побольше, до восьми месяцев. Всё одно на казённых харчах. Экономия – как ни рассуждай! Там тебя развлекают, кормят и уму-разуму учат. Я преступления на себя возьму, единолично отвечу. Отсиджу, не впервой! Три года сживал – и вот живой стою! – рассмеялся Притопов.

– Как же вас угораздило вляпаться во всё это? – с глубоким сожалением спросил Альт и закачал головой.

Мария, посмотрев на осунувшееся от душевных переживаний лицо Германа Германовича, звонко рассмеялась. Её смех в подвале, пропахшем химией и сыростью, показался Альту неуместным и исходящим из самой преисподней. Однако дочь даже не желала замечать расстройств Альта.

Девушка взяла его за плечо и, заглянув в лицо, используя всё своё женское коварство и очарование девичьей молодости, заявила:

– Ой, не надо так страшиться. Не бойтесь так сильно, папенька! Во многих странах Европейского сообщества продаются Magiani Wine, по-нашему вина Мариани. Напиток изобретён известным химиком Анжело Мариани. Это особая настойка на листьях растения коки, в которой алкоголь является всего лишь растворителем. Многие газеты пишут, что даже папа римский Лев XIII употребляет вина Мариани, а самого Анжело наградили какой-то известной наградой Ватикана.

Молчаливо стоящий возле лестницы Пётр Волошев, пытаясь внести спокойствие в душу Альта, поддержал Марию.

– В этом году начали торговлю газированным напитком «Кока-Кола», а в нём имеются листья коки и орехи кола. Многие современные доктора этим напитком пользуют больных и у

нас, в Туле. Но особо в обеих столицах. Говорят, что от желудочных болей просто идеальное спасение, – заявил Пётр Фёдорович.

Альту при первой встрече показалось, что студент и сам не против попользоваться запрещёнными веществами. Слишком уж у него было нервное поведение и нездоровый блеск в глазах. Да и лицо старовато для студенческого возраста, истаскано жизнью. Теперь, после подобных слов, подозрение укрепились.

– И кто же эти доктора? Кто же эти врачи-убийцы? Разве можно не понять, чем лечить людей. Полная, преступная глупость! – истерично уточнил Герман Германович, с трудом проглатывая ком, застрявший в горле.

Мария, поправляя красивый локон волос, ответила:

– Хотя бы австрияк один. Весьма известный и всеми признанный Зигмунд Фрейд – психолог и основатель психоанализа. Его теории о бессознательном поведении, прирождённой сексуальности и механизмах защиты стали классикой в области психологии. Он и сам пользуется кокой, и пациентов лечит от всяческих депрессий, головных болей и других душевных недугов. Я вас, папенька, уверяю, скоро и в наших больницах возьмут данный метод на постоянную практику. Так что, папенька, отбросьте все страхи. Прошу вас!

– Откуда же подобное вам известно? – спросил Альт, удивляясь путанице в голове дочери.

– Я же не одна здесь тружусь, мне господин Волошев помогает. Конечно, долю свою имеет, не бесплатно. Он из бывших студентиков, изгнанных из Императорского Московского университета, что стоит на Моховой. Пётр меня всему и обучил. Много рассказывал о европейских странах, о тех порядках, что там бытуют. Вот заработаем денюжат и поедем с вами, посмотрим чужие города, – заявила Маша, мило улыбнувшись.

Тут в разговор влез и Притопов, дыхнув на Альта перегаром, самодовольно заявив:

– Дружище Герман Германович, есть заказчик, который всё и организовал. Продукция нашей фармацевтики в Москву уходит, в Туле ничего не продаётся. Раз в месяц доверенные люди приезжают и вывозят товар на поезде, в багажном вагоне. Кстати, лаборатория скоро переезжает в Москву, а с ней и Мария. Там к клиентам поближе будет. Здесь все следы планируется уничтожить, а дом поджечь. Не хочется, чтобы улики кто-то нашёл. Пол земляной в подвале, в нём, если покопаться, многое от таблицы Менделеева сыскать можно. Вы, милостивый государь, думаете, почему я почтальоном батрачу, а не адвокатом? Очень удачно особые шарики, что Мария из разных химических составов лепит, как пельмени, по клиентам разносит. Конечно, не всем красный чертёнок с трезубцем на чёрном фоне нравится. Многие ад не любят, но субстанция именно в такой обложке Машенькой задумана. Что ни говори, в вашей дочери талант художника во всём присутствует.

Альт промолчал. Он подумал, что Притопов совсем забыл о своём тюремном прошлом. Теперь его юридическими услугами пользоваться никто не будет. Да и государство ему этого уже не позволит. Бывшим сидельцам подобное категорически запрещено!

– Верно, верно говорите, Вольдемар Афанасьевич. Опасно это, дом кому-то оставлять. Да и незачем, покойная бабушка Агриппина Самсоновна его давненько и прилично застраховала в «Саламандре». Говорят, это товарищество – одна из самых крупных страховых компаний в России. После несчастного случая деньги хорошие получим. Вы, папенька, свою долю за сгоревшую усадьбу в Москве поимеете, когда я к вам приеду. Надо будет новую квартиру снять, побольше. С нами и Вольдемар Афанасьевич поселится, а возможно, и мой жених. Лабораторию откроем и работать начнём с ещё большим производством, – с милой улыбкой заявила Маша.

Альт, с испугом вспомнив о заметке в «Московских ведомостях», сглотнув ком, застрявший в горле, спросил:

– А как жечь-то будете родительский дом? Наймёте кого? Опасно, а если продадут невзначай?

Маша оглядела папеньку, с минуту подумала и ответила:

– Что вы, батюшка, нельзя доверять случайным людишкам. Как можно связывать себя с незнакомым человеком? Правду говорите, продадут! За грошик донесут до полиции! Всего-то нужно с десяток свечей толщиной в большой палец. По дому расставим, ветошью обложим и подожжём. Они аккурат часов восемь – десять гореть будут. Мы с Вольдемаром Афанасьевичем в этот день с самого утра в деревеньку Калюпаново отправимся, на святой источник Евфросинии. Туда шестьдесят вёрст. Пока доедем – дом и займётся. В Алексине переночуем, а когда обратно приедем, одно пепелище останется. Никто упрекнуть не сможет. А вы ожидайте нас в Москве, квартирку пока подыщите. Пётр Фёдорович со стороны на пожар посмотрит, так сказать, оценит ситуацию, а потом поделится, всё ли ладно было. Вот у каждого и занятие определилось.

В этот момент Альт решил не препятствовать поступкам дочери. Если не сложится задуманное, наказание его лично не коснётся. Может только общество осудить, но подобная мелочь Германа Германовича не волновала.

– И кто же он? Этот заказчик, через которого сей незаконный товар реализуете? – немного успокоившись, задумчиво уточнил Альт.

Притопов подошёл к Альту ближе и тихо заявил:

– Фамилию не скажу, но человек высокой должности в Москве. Вроде из третьего отделения Департамента государственной полиции. Мы с ним через связного общаемся. От него приезжает некий господин с помощниками раз в месяц за товаром.

– Неужто из таковой организации? Поразительно! Хотя в нашей жизни всё возможно. Откуда знакомы? Или, покуда сидели в городе Орле, в тюремном замке завели друзей? – удивлённо уточнил Альт.

– Нет, я там только здоровье и зубы потерял. Такие хитроумные связи у нашего бывшего студента имеются, у Петра Фёдоровича. Это он коммерцию организовал, после того как его с факультета врачебных и медицинских наук Императорского Московского университета турнули, – ответил Притопов.

– Позвольте узнать причину? За что выгнали? – уточнил Альт.

– Чего не знаю, того не знаю. Сам не делился, а расспрашивать неблагоприятно. Вроде как по неуспеваемости, – заявил Притопов, вздохнув.

– Чудно! А Марии имя этого господина, что в Москве незаконным сбытом правит, известно ли? – спросил Альт.

Вольдемар Афанасьевич задумался, почесал затылок и наконец-то промямлил:

– Чего не знаю, того не знаю. У неё со студентом свои тайны. Мне не сообщали, да я и не спрашивал.

– Скажи-ка, коль про тюрьму речь пошла. А ты-то кто теперь по масти? Бродяга, шпанка или босьяк? Говорят, в тюрьме каждому чин дают, – устало уточнил Альт, пытаясь мысленно охватить необъятные новости.

– Да никто! Я вообще сам по себе. Да и дочь твоя без масти пока, ведь ни разу не сидела, – ответил пьяный Притопов и широко улыбнулся, раскрыв рот с остатками зубов.

– Типун тебе на язык, – в сердцах стукнув приятеля по плечу, заявил встревоженный Герман Германович Альт.

Глава 6 Поезд с Николаевского вокзала

Из «Сборника законовъ, правилъ, наставлѣній и распоряжѣній правитѣльства для врачей, фармацевтовъ, вѣтѣринаровъ и прочихъ мѣдицинскихъ чиновъ. Судѣбно-врачебныя экспертизы. Осмотръ и освидѣтельствованіе мѣртвыхъ тѣлъ». Дозволѣно цѣнзурою. Изданія 1883 годъ.

«...Прізванный для оказанія помощи врачъ должѣнъ доводить до свѣдѣнія полиціи о всѣхъ значительныхъ ранахъ и поврѣждѣніяхъ, имѣвшихъ или могущихъ имѣть смѣртѣльныя послѣдствія, о нѣчянныхъ и умыслѣнныхъ отравкахъ, однімъ словомъ, о всѣхъ случаяхъ насильствѣнной смѣрти. Объ умѣршихъ скоропостижно, а равно о мѣртвыхъ тѣлахъ, найдѣнныхъ на дорогахъ, поляхъ, лѣсахъ, прі рѣкахъ или другихъ мѣстахъ, полиція обязана исслѣдовать, точно ли и отъ чаго послѣдовала внѣзапная смѣртъ, и если обнаружатся видимыя и нѣсомнѣныя прічинъ естѣствѣнной смѣрти, то полиція дозволяетъ прѣданіѣ тѣла зѣмлѣ и прѣдставляетъ составлѣнный объ осмотрѣ и произвѣдѣнномъ изслѣдованіи актъ въ полицѣйское управлѣніе. Актъ сіи должѣнъ быть прочитанъ родствѣнникамъ и домашнімъ умѣршаго, или домохозяевамъ и двумъ или болѣе сосѣдямъ, или же сѣльскимъ и городскимъ начальникамъ, которые обязанъ своею подписью засвидѣтельствовать, что актъ сіи были имъ прочитанъ; въ случаѣ сомнѣнія о дѣйствительной прічинѣ смѣрти означенныя лица могутъ изложить подъ актомъ свои сомнѣнія. Воспрѣщается врачамъ подписывать полицѣйскіе актъ на погрѣбѣніе тѣлъ скоропостижно умѣршихъ по одному лишь наружному осмотру, бѣзъ прѣдварительнаго вскрытія тѣла по правиламъ судѣбной мѣдицины...»

В день трагической гибели господина Ивана Христиановича Винагорского на Варшавский вокзал столицы, Петербургско-Варшавской железной дороги, на всех парах, грохоча железом, преодолев тысячу пятьдесят вёрст и тридцать три часа пути, прибыл скорый поезд из Варшавы. Состав отличался шикарно отделанными и богато обставленными первоклассными вагонами. Мягкие диваны, покрытые кожей, шторы из лучших гобеленов, ковры на полу, картины на стенах, хрустальные люстры на потолках, изумительные зеркала и многое другое создавало уют и способствовало достойному отдыху в дороге. Этот комфорт, конечно, предназначался только для богатых пассажиров, не жалеющих денег на собственные удобства. Однако платить за подобную роскошь тоже следовало с размахом, билет стоил тридцать рублей с небольшим. Эта сумма равнялась заработной плате рабочего средней руки за целый месяц.

Пассажиры экспресса, прибывшего в столицу Российской империи, щеголяли современными нарядами. Большинство следовало европейской моде. Вместе со всеми из вагона первого класса вышла дама лет тридцати трёх, среднего роста, в дорожной одежде. Её наряд полностью соответствовал требованиям современного этикета, изложенным на страницах французского альбома современного платья *La Mode Artistique*.

А там для модных путешественниц подавались совершенно удивительные советы. К примеру:

«...Одежда всегда должна подчёркивать статус своей хозяйки, но в то же время облегчать трудности поездки...»

«...Ничто так не цепко и неприятно, как пыль, скопившаяся в путешествиях. Если она осядет в пуховых изделиях, то её почти невозможно полностью удалить. Поэтому предпочитайте платья только из тканей для стирки...»

«...Там, где путешествие планируется быть очень долгим, особенно зимой, цветные чулки, цветные льняные корсеты и цветные юбки будут гораздо более удобными, чем белые. Не нужно останавливаться для стирки...»

...Любой модный материал, будь то кружево или бархат, будет выглядеть в длительной дороге слишком безвкусно. Однако и обходиться без предметов роскоши не рекомендуется, золотые украшения с одним дорожным бриллиантом выгодно подчёркивают женскую красоту и способны поднять настроение...»

Казалось, что гостья столицы и сама сошла со страниц этого альбома или не менее популярных Санкт-Петербургских журналов «Модный магазин» и «Вестник моды».

Дама обладала прекрасной фигурой, которой могли позавидовать и молодые девушки. Чёрные волосы под модной шляпкой были аккуратно уложены локонами различной величины. Но особенно привлекало внимание необычное лицо восточноазиатского типа, одновременно красивое и в то же время строгое и даже жёсткое. Чёрные миндалевидные глаза смотрели прямо, вызывающе и дерзко. Широкий нос с горбинкой, высокие скулы, немного прямоугольный подбородок и большой рот не портили эту женщину, но придавали ей хищный вид. Если не знать, что это итальянка, можно с некоторой долей уверенности было подумать о ней как о красивой сибирской или поволжской татарке.

За гостьей следовали трое носильщиков с дорожными саквояжами. Видимо, количество гардероба полностью соответствовало рекомендациям всё тех же журналов. Например, в одном из номеров «Модного магазина» писалось следующее:

«...Надо помнить, что современная модная дама должна иметь не менее двух предметов основной одежды. Во-первых, чтобы быть всегда оригинальной и экстравагантной, а во-вторых, чтобы не затруднять своего спутника поиском нарядов, если придётся заменить некоторые аксессуары, пришедшие в негодность...»

В другом, не менее популярном, журнале «Вестник моды» давались такие рекомендации:

«...Два предмета одежды просто незаменимы в гардеробе леди, которая много путешествует. Непромокаемый плащ с большим капюшоном и свободный льняной плащ, полностью закрывающий платье. Не всегда можно сказать, какое из них больше всего понадобится в долгом путешествии, но, как правило, безопаснее иметь оба...»

Очаровательная европейская дама следовала не одна. Она находилась в сопровождении двух мужчин очень приличного вида, степенно идущих справа и слева. Один, постарше, широкоплечий, чуть больше сорока лет, отличался весьма бывалым видом. Ухоженные, зачёсанные назад волосы, сильно тронутые сединой, прибавляли шарма и элегантности. Высокий лоб, изрядно попорченный морщинами, строгие, немного утомлённые жизнью глаза, скорее всего, являлись показателем эрудиции и гуманитарного рода деятельности этого человека. Завершала мужской образ короткая, но густая холёная борода. Ещё пока чёрная, но уже тоже тронутая небольшой сединой. Такой стиль соответствовал и популярным российским понятиям. В империи, в угоду государю-императору Александру III, носившему бороду, густую растительность на лице имели очень многие просвещённые господа. Дорогой деловой костюм европейского покроя из диагональной шерстяной ткани, с жилеткой и прямыми брюками, подчёркивал увлечение этого господина современной модой. Некоторая сутуловатость и свободная походка выдавали в нём сугубо гражданского человека.

Другой мужчина, сопровождавший даму, был несколько выше, крупнее и моложе. Круглолицее, по-купечески хитроватое, холёное, порочное лицо избалованного жизнью и деньгами человека выдавало в нём истинного сибарита. Немного раскосые глаза свидетельствовали о наличии восточной крови, а небольшая ухоженная борода, как считали ханжи, о природной или приобретённой греховности и сладострастии. Костюм молодого человека тоже отличался модными европейскими тенденциями.

Голову украшала фетровая шляпа – «Мелон». На крепком, спортивном теле прекрасно сидел короткий однобортный сюртук тёмно-синего цвета «Кастора» с расходящимися впереди лапами и закруглёнными фалдами, небрежно застёгнутый на две обтянутые плетёной тесьмой пуговицы из трёх имеющихся. Брюки в полосу того же цвета дополняли модные тенденции.

Под сюртуком имелся и дорогой бежевый жилет. Обычно так одевались управляющие крупных банков, профессеры, адвокаты, врачи, удачливые дельцы или молодые повесы из богатых семей. В руках обоих господ присутствовали и крепкие трости.

Последние три года этот модный аксессуар для усиления мужественности и мужского статуса начал выходить из массового употребления. Поэтому наличие подобных предметов у двух весьма респектабельных мужчин могло свидетельствовать либо о привычном консерватизме, либо о возможной необходимости защиты от злоумышленников. Подобные изделия были весьма коварны. Зачастую содержали внутри себя клинок, шипы или того хуже – пулю. Имелись даже клубы для мужчин и пособия, в которых преподавалась наука фехтования и применения трости с использованием восточных практик и единоборств.

Мужчины шли уверенно, не разговаривая, искоса осматривая перрон. Носильщики, упираясь и пыхтя от пота, тащили за ними весьма достойный гардероб, упакованный в дорожные саквояжи. Один из них представлял собой крепкую объёмную коробку, обтянутую коричневой кожей, с колёсиками у основания, латунными заглушками по углам и ручкой вверху. Такие предметы для перевозки вещей имели собственное новомодное название – чемодан. Через лицевую сторону чемодана проходила широкая полоска клейкой бумаги красного цвета с надписью на итальянском и немецком: *Non capovolgere* и *Nicht drehen*. Эти слова понимали все носильщики вокзала, независимо от знания иностранных языков. Фраза запрещала переворачивать данный предмет ввиду особой ценности.

Заграничные господа, посетившие столицу Российской империи, на ломаном русском языке наняли дорогой четырёхместный экипаж. При помощи всё тех же носильщиков погрузили поклажу и направились на Николаевский вокзал одноимённой железной дороги. Именно с него путь вёл в Москву.

В дороге они попросили кучера осмотреть город. Подобную прихоть щедро оплатили. Следовали молча, придирчиво сопровождая взглядом богатые виды домов, строений и дворцов. Обращали внимание на всякую мелочь. Могло создаться впечатление, что всё в Санкт-Петербурге для них знакомо. Обычно себя так ведут хозяева, возвращаясь домой из дальней и длительной поездки. Казалось, что иностранцы проверяют, не похитили ли чего в их отсутствие.

Подъехав на Николаевский вокзал, вновь при помощи услужливых местных носильщиков разгрузили многочисленный багаж и прошли в ресторацию, видимо, желая скоротать время перед подачей поезда. Один из мужчин, тот, что был старше и профессорского вида, жестом руки позвал официанта, одетого в русском стиле: чёрные штаны и красная рубаха навыпуск, подпоясанная шнуром с кистями. Затем вместе с дамой на ломаном русском языке принялся обсуждать заказ на троих путешественников. Второй господин направился за билетами. Разобравшись с меню, в ожидании заказа и предстоящей поездки мужчина и женщина занялись каждый своим делом.

Господин достал газету с названием *Il Messaggero* и принялся за чтение. Это было ежедневное издание, основанное в Риме, являвшееся одной из главных национальных газет Италии. Дама, совершенно не стесняясь окружающего общества, достала модную и несколько пошлую итальянскую новеллу 1882 года издания с кратким названием *Senso*.

Автором книги являлся некий Камилло Бойто, известный итальянский архитектор и в то же время популярный писатель. Слово *Senso* в переводе с итальянского означало что-то среднее между выражениями «чувство» и «похоть».

В книге была изложена весьма смелая, но трагичная история любви. Главными героями являлись итальянская графиня по имени Ливия, несчастливо вышедшая замуж за старого аристократа, и молодой избалованный, подлый и душевно извращённый офицер. История сюжета повествовала о неизбирательном потакании эгоистичной чувственности или, по-другому, обычной похоти.

Действие новеллы происходило в Италии, вероятно, во время Третьей итальянской войны за независимость 1866 года. Графиня, страдающая от одинокой и неудовлетворённой жизни, во время войны влюбляется в Ремиджио Руса, молодого лейтенанта. Животная страсть делает своё дело, и дама теряет голову. Ремиджио всячески использует богатую любовницу, тратит деньги и откровенно компрометирует. Война разлучает участников страсти. Скучая, Ливия, рискуя жизнью, посещает лейтенанта на фронте. Ремиджио просит помочь спасти его от неминуемой смерти в бою. Графиня, потерявшая от страсти голову, отдаёт драгоценности и золото для подкупа армейских врачей. Благодаря обману офицер избегает боёв и рискованных ситуаций. Однако вскоре графиня застаёт его в компании проституток. Более того, Ремиджио открыто насмехается над влюблённой женщиной. Тогда, не в силах простить предательство, дама рассказывает правду командующему войсками. По приказу генерала Ремиджио и врачей расстреливают в присутствии страдающей, но жестоко мстящей графини. На этом повествование заканчивается.

Произведением зачитывались многие богатые дамы не только в Европе, но и в России. Обычно ими являлись некогда очень красивые женщины, возраст которых перевалил далеко за тридцать. Первая молодость испарилась вместе с дерзкими любовными приключениями, но дух романтизма остался. Увлечение данной книгой могло свидетельствовать о чувственной и ранимой душе итальянки, а возможно, и совершенно о противоположном.

Вскоре заказ был готов, и официант аккуратно и тихо накрыл стол, удивляясь учёности гостей привокзального ресторана. К этому времени прибыл и второй господин. Видимо, он сообщил о приобретении билетов, что вызвало положительный подъём настроения всей компании.

Гости принялись за русские кулинарные изыски. Закончив трапезу, вызвали носильщиков и направились к перрону. Там уже стоял, блестя надраенными поручнями и пыхтя парами, поданный поезд Санкт-Петербург – Москва.

Сдав саквояжи, коробки и чемодан в багажное отделение, по три копейки за каждое место, гости России, сопровождаемые поклоном проводника, прошли в вагон первого класса. У них имелось два двухместных купе, по девятнадцать рублей за место. Мужчина с бородой проследовал в купе с дамой, а второй господин намеревался ехать один. Поезд тронулся, и мимо окон поплыли Николаевский вокзал, военные чины, стоявшие на перроне, церковные и гражданские лица, провожающие друзей или родственников, затем складские пакгаузы и железнодорожные пути. Предстояло преодолеть шестьсот девяносто четыре версты, или двадцать часов пути. Вскоре мужчины объединились за бутылочкой коньяка «Курвуазье» и карточной игрой в «Фараон» в отдельном купе, оставив даму с книгой *Senso*.

Через час от начала путешествия раздался стук. Дверь открылась, и в купе к мужчинам заглянул господин около пятидесяти пяти лет от роду, весьма прилично одетый. Судя по поведению, можно было предположить, что он уже употребил достойно и теперь желает хорошую компанию для развития мыслей и веселья души. Незванный гость, заговорщицки прикрыв дверь, внимательно осмотрел мужчин, затем достал из внутреннего кармана всего лишь одну игральную карту и показал присутствующим. Это был валет червонной масти, изображённый как красный чёрт с трезубцем и огромными сердечками по углам. Мужчина немного помолчал, качнулся, икнул и, наслаждаясь произведённым эффектом, тихо и шепеляво заявил:

– Господа, я, конечно, извиняюсь и прошу меня простить. Однако с одним из вас я знаком лично. Да-да, лично. Не припоминаете меня? Я Николай Филиппович Квадратов, из мещан. Московский коммерсант-с. Имею четыре салуна-цирюльни в Москве, в том числе на Страстном бульваре и Тверской. Всё исполняем по лучшему разряду и французской моде. Начинал с мелочи, с обычных рядовых цирюльников. Служил, служил обществу не покладая рук и вот до хозяина дорос. Видите ли, у меня профессиональные навыки узнавать людей, как у полицейской ищейки. Только я не внешний вид человека запоминаю, а форму черепа, ушей, под-

бородка, цвет волос и, простите, ради бога, наличие перхоти и густоту волосяного покрова. Ошибаюсь редко, если кого неоднократно побрею или постригу, то запомню лет на десять, не меньше. Просто особая феноменальная память. Четырнадцать лет прошло, а вы особо не изменились. Я ещё на Николаевском вокзале заприметил. Потом всё думал, вы это или нет? Ошибаться не могу, большая родинка в неровную копейку у вас имеется на затылке, перед самой спиной. Когда стриг, заприметил.

Итальянцы непонимающе переглянулись, насупились. Старший что-то сказал и немного пренебрежительно махнул кистью руки второму господину. Возможно, прося как-то удалить непрошеного попутчика. Однако Николай Филиппович удаляться не думал и в своих речах не останавливался, так как душа, подкормленная настойкой на водке, требовала приключений.

Квадратов хитровато улыбнулся, обнажив жёлтые зубы. После, дыхнув на иностранных подданных русской водкой, проникновенно заявил, обращаясь к молодому итальянцу:

– Конечно, извиняюсь, господа! Однако вы же Андрей Михайлович Сидоров и должны меня хорошо знать. Мы некоторое время вместе срок отбывали в Бутырском замке. Я же вас брил, стриг и, смею заверить, не один раз. Да, были времена! Я-то сживал три месяца по судебной ошибке, за подозрение в мошенничестве, не смог вернуть вовремя пятьсот рублей заёмщику. Так уж получилось, задолжал, были временные трудности. Потом поднялся до стабильных коммерческих высот. Сейчас, видите, следую в первом классе. Если память не изменяет, ваша милость отбывала срок за карточные махинации и подделку государственных бумаг. Не беспокойтесь, я никому не расскажу, что вы вернулись в Россию.

Итальянцы молча и напряжённо смотрели на господина Квадратова, явно не выражая желания поддерживать товарищеские отношения.

Николай Филиппович, не замечая холодности, уверенно продолжал. Теперь он направил своё обаяние на второго иностранца, того, что был старше:

– О вас только догадываюсь, не смею утверждать доподлинно. Наверное, вы профессор Неофитов. Извините меня, не помню, как звать-величать. Пресса о вас судачила, что векселя и денежные купюры умеете подделывать. Великий талант, я вам скажу. Не каждому человеку свойственен. Сидели в Бутырке, а теперь, как понимаю, на свободе. Молодцом! Я тоже в той тюрьме бывал. Скажу, незабываемое впечатление. До сих пор нары и баланда сняты, особо после сильного употребления. Любят тюремные видения и в ситуации дурного похмелья посещать. В народе говорили, что обманул вас приятель, предводитель Шпейер. Вас посадили, а он за границу сбежал после суда в 1877 году. Так во всех газетах сообщалось. Подлец, однако! Нерусь, не зря фамилия Шпейер на немецком языке означает «острая палка». Никто его не нашёл до сей поры. Хитрец! Понимаю, как вы его должны презирать и ненавидеть.

Сделав паузу, Квадратов продолжил:

– Знаете, мой любимый братец Павел Филиппович, кстати, тоже известный московский цирюльник, сказывал, что видел того Шпейера после суда. Однажды, заприметив бандита в одном из ресторанов, тут же побежал к одному из городских, что находился рядом, желая сообщить о мошеннике. Намеревался, значит, наградные за поимку особо опасного преступника получить, но не смог. Пока они с полицейским прибыли к нужному месту, преступник скрылся. Вот хитрец, как чёрная кошка, извернулся. С братцем я вас познакомлю, встречать приедет. С ним и моя супруга прибудет. Семья у нас дружная, в моё отсутствие Павел Филиппович супруженьку мою не бросает, всячески помогает в одиноком ожидании мужа и надзоре за хозяйством. Это очень важно, так как вскоре буду открывать первую цирюльню в Санкт-Петербурге, а потом вторую и третью. Правда, деток нам Господь не дал, но и так поживём. Братец – истинный денди, нашего московского городского голову, самого Николая Александровича Алексева бреет по вторникам. Думаем, как дворянство прикупить, пора уже. Мы, Квадратовы, не хуже многих будем, не хуже Демидовых, Путиловых или мануфактурщиков

Морозовых. Ладно, что это я о себе да о себе. Немного понесло, давайте о вас поговорим. Чем занимаетесь? Как поживаете?

Итальянцы вновь переглянулись. Было явно видно, что этот разговор для них неприятен. Тот, что постарше, произнёс несколько фраз на итальянском языке. Другой иностранец кратко ответил своему приятелю и тут же произнёс, обращаясь к незваному гостю на ломаном русском:

– Ви, наверно, ошибаться. Ми незнакомь, но очень рад русский гость. Я немного понимаю русский язык, учил для поездки в ваш государство. Граф де Ассаб, мой старший брат и товарищ, иметь честь пригласить на коньяк. Ми итальянский строитель, создатель и будем улучшать Москва. Не откажите любезность.

Молодой итальянец поднял вверх ещё не открытую бутылку «Курвуазье», демонстрируя марку производителя, жестом руки приглашая гостя присоединиться.

– Семья итальяно архитектор, стройка в ваш город, – добавил всё тот же молодой господин, показывая на внушительную по объёму книгу, лежащую на столике купе.

Сложное название «I Quattro Libri dell'Architettura», в переводе на русский язык – «Четыре книги об архитектуре», совершенно не впечатлило Квадратова. Дородный Николай Филиппович с нескрываемой радостью оглядел коньяк. Затем, пренебрежительно и брезгливо посмотрев на указанный труд известного архитектора Андреа ди Пьетро да Падова, резко бросил на книгу червонного валета.

Итальянцы переглянулись. Однако Квадратов этого не заметил. Тут же забыв о карте, он возобновил разговор о Бутырской тюрьме. Видимо, эта тема была для него более интересна и приятна. Владелец салун-цирюлен разговаривал на русском, господин с бородой на итальянском, а его приятель переводил на ломаном русском. Периодически гость пытался заговорить о прошлых днях, родинке, московском тюремном замке, но очередная рюмка коньяка путала мысли и меняла ход беседы.

Один раз, видимо, утомившись в одиночестве, купе навестила дама, весьма поразившая пьяного Николая Филипповича своей красотой. Квадратов немедля встал и попытался тут же поцеловать ручку. Однако иностранка, увидев сцену мужского отдыха, недовольно поморщилась. Что-то заявив на итальянском, даже не подав господину Квадратову руки, тут же убыла к себе.

Беседа продолжалась до глубокой ночи, когда при помощи проводника Николая Филипповича, исключительно пьяного и совершенно не стоящего на ногах, отвели в его купе и положили на вагонную постель.

Следующим утром около одиннадцати часов поезд прибыл на конечную станцию второй столицы великой империи, завершив железнодорожное путешествие с Николаевского вокзала из Санкт-Петербурга на Николаевский вокзал Москвы.

Глава 7 Судебно-врачебная экспертиза

Из «Сборника законовъ, правилъ, наставлѣній и распоряжѣній правитѣльства для врачей, фармацевтовъ, вѣтѣринаровъ и прочихъ мѣдицинскихъ чиновъ. Судѣбно-врачебная экспертиза. Осмотръ и освидѣтельствование мѣртвыхъ тѣлъ». Дозволѣно цѣнзурою. Изданія 1883 годъ.

«...Случаи, въ которыхъ запрѣщается погрѣбѣніе и нужѣнъ судѣбно-мѣдицинскій осмотръ тѣла, большею частью слѣдующіе.

Если кто умѣръ вскорѣ послѣ наружнаго мѣханическаго насилія, отъ ушиба, отъ ранъ, отъ падѣнія съ значительной высотъ и тому подобнаго. Когда по употреблѣніи какой-либо подозрительной пищи, питья, лѣкарства и тому подобнаго послѣдуетъ скоропостижныя смѣрть съ нѣобыкновенными пріпадками, подающими поводъ къ подозрѣнію объ отравѣ. Если смѣрть послѣдуетъ прі наружномъ употреблѣніи вредныхъ паровъ, мазѣй, ваннъ, умываній, пудръ и тому подобнаго. Если найдѣно мѣртвое тѣло съ знаками наружныхъ насилій или бѣзъ оныхъ. Если по-видимому здоровый человекъ умѣръ скоропостижно отъ нѣизвѣстной прічины. По жалобамъ о пріключившейся смѣрти отъ нѣпозволительнаго лѣченія шарлатанами и другими лицами, не имѣющими на то права...»

Иностранные гости Москвы вышли из поезда почти последними, с помятыми и усталыми лицами. Видимо, ночные посиделки дались непросто. Затем долгое время получали багаж. Когда они уже направились по перрону вокзальной площади, то увидели строгого городского и дворников, несущих медицинские носилки. Поравнявшись с итальянцами, крепкий полицейский с круглым мясистым лицом брезгливо поправил простыню, упавшую с головы лежащего человека. Пассажиры, идущие рядом, в том числе и графы де Ассаб, тотчас разглядели труп мужчины с мертвенно-белым лицом, остекленевшими глазами и руками, сложенными на груди. Это был всё тот же цирюльник Николай Филиппович Квадратов.

Кто-то из зевак уточнил у служителя порядка, что случилось с этим господином. В ответ услышал обычную и незамысловатую русскую фразу: «Перепил, бедолага, до смерти! Пост на дворе, а им, безбожным, всё едино!»

Пропустив процессию, графиня Катарина де Ассаб, удивлённо посмотрев на мужчин, следующих рядом, нахмурилась, но не произнесла ни слова. Иностранцы ускорили шаг и проследовали к привокзальной площади, по-видимому, желая нанять экипаж. По пути совершенно внезапно их громко окликнул какой-то мужчина, при этом называя русскими именами. Возможно, приняв за старых знакомых или глупой шутки ради. Он явно находился в состоянии алкогольного опьянения. На что дама, утомлённая происшествием и долгой дорогой, не сдержалась и высказала своё откровенное возмущение целой серией итальянских слов, приглашая полицию и, скорее всего, употребляя ругательные выражения. Обознавшийся прохожий, видя отрицательную реакцию на его излишнюю доброжелательность и, видимо, опасаясь стражей порядка, посчитал необходимым немедленно ретироваться и не докучать гостям города. Подобное событие осталось незамеченным. Мало ли что происходит в таких местах, где много обывателей, снующих по различным делам!

На привокзальной площади, благополучно наняв экипаж и сложив вещи, перед самым выездом иностранцы молча закурили. Один из них, тот, что помоложе, достал из кармана игральную карту и под внимательные взгляды остальных порвал на мелкие кусочки. Ветер подхватил остатки червонного валета и унёс в закоулки Москвы, не оставив следа.

Тело несостоявшегося дворянина, покойного господина Квадратова, доставили в специальное помещение, что имелось с торца вокзала. Кладовая применялась для хранения пустой

тары, белил, метёлок, лопат, песка, которым посыпали привокзальную площадь и тротуары в зимние месяцы, и прочих путевских нужд, в том числе служила как арендованный промежуточный коммерческий склад известного мыльного короля Генриха Брокера. Ему принадлежали производства по выпуску мыла «Шар», «Медовое», «Огурец» и прочих, любимых богатой публикой обеих столиц. Выпускал Брокер и мыло для народа, так и называемое «Народное», по копейке за кусок. Об этом свидетельствовала вывеска, расположенная на стене с внешней стороны. Можно было прочесть: «ТОВАРИЩЕСТВО БРОКАРЪ и К. Складъ».

Там носилки поставили на грязный пол между коробок с мылом и прочих хозяйственных предметов в ожидании чинов железнодорожной полиции, родственников и врача, обязанного сделать предварительное или окончательное заключение о смерти. Городовой приказал дворникам находиться недалеко и быть в готовности по первому свистку прибыть для переноса тела покойного в другие места. Сам, прикрыв дверь, задумчиво прохаживался возле помещения, грозно осматривая спешащих клиентов Петербургско-Московской железной дороги. Через пару десятков минут возле временного пристанища души и тела цирюльника появился представитель железнодорожной полиции и врач, способный обеспечить судебно-медицинскую экспертизу. Чуть позже прибыли и родственники цирюльника: жена Феврония Андреевна и брат покойного, Павел Филиппович. Законная супруга почившего Николая Филипповича представляла собой весьма дородную, круглолицую женщину с выразительно-неприятным, заносчивым лицом кухарки, случайно вышедшей в столбовые дворянки.

На ней весьма громоздко и несколько нелепо сидело тёмно-коричневое платье из тяжёлого шёлка, на голове громоздилась в три яруса шляпка с завязками, безусловно, дорогая, но явная мешанская безвкусица. Крепкую белую шею с двойным подбородком украшали сотуары – длинные нити жемчуга, завязанные живописным узлом. Пик признания этих украшений уже давно закончился, однако это не смущало Февронию Андреевну. Внешний вид дамы вполне свидетельствовал, что её возраст давно перевалил за пятьдесят. По случаю внезапного траура почтенная цирюльница уже успела накинуть тяжёлую чёрную вуаль, накрывавшую голову и плечи наподобие большой оренбургской шали. Видимо, приобрела она эту незаменимую вещь где-то поблизости. Скорее всего, родственники уже находились на вокзале, встречая Николая Филипповича Квадратова из поездки, так как практически сразу оказались у его трупы.

Единственный брат покойного, Павел Филиппович, был франтоват и одет по последней европейской моде. Внешне немного моложе своей названной родственницы, не уступал ей в дородности. Крупный живот облегал сшитая по индивидуальному заказу и размеру рубашка. Дорогая тройка, состоящая из одноцветных брюк, жилетки и пиджака, вместе с золотыми часами на тяжёлой цепочке, модной, только что принятой в Европе шляпой «Федорой» и лакированными туфлями дополняли образ престарелого московского денди, вызывая чувство настороженного уважения к подобной элегантности. Возможно, Павел Филиппович любил женщин и желал им нравиться, несмотря на свою внушительную внешность. Выражение лица этого господина представляло собой смесь хитрости, дешёвого сибаризма и напускного мешанского величия. Видимо, успехи покойного Николая Филипповича на поприще стрижек и бритья воспитали в его родственниках высокие чувства искреннего пренебрежения к городскому обычному обществу и породили мысли о высоком предназначении семьи Квадратовых.

К удивлению представителей власти, уже находящихся при трупе, никто из обоих близких родственников не ударился в прилюдное горе и не оросил уже охладившееся тело Николая Филипповича своими слезами. Более того, на лицах Февронии Андреевны и Павла Филипповича чувствовалась некая умиротворённость от произошедшего, как будто тяжёлая ноша спала с плеч. Можно было подумать об их тайном единении мыслей и душ, а может, и тел. Павел Филиппович, даже не подойдя к трупу покойного брата, тут же, взяв за пухлую ручку Февронию Андреевну, отвёл её в сторону и, дружелюбно пошептавшись с ней, направился к представителю железнодорожной полиции и врачу. Скорее всего, состоялся тайный и вза-

имно полезный разговор, после которого вместо направления трупа в анатомический театр при департаменте московской полиции для патологоанатомического вскрытия было принято решение освидетельствования смерти прямо в грязной кладовой. Бдительному взгляду городского, не имеющего права вмешиваться из-за принципа профессиональной, корпоративной этики, было видно, как несколько крупных денежных банкнот переместилось из кармана Павла Филипповича в карманы железнодорожного полицейского и врача. Видимо, страдающие близкие категорически не желали нарушать целостность брэнного тела бывшего владельца цирюлен господина Квадратова. Обычно причиной подобного пожелания являлась обычная корысть. Свидетельство о смерти напрямую определяло срок получения наследства. Если гибель являлась криминальной, то до окончания следствия движимое и недвижимое имущество родственникам не полагалось.

Появившийся несколько позже представитель правления железных дорог был немедля обработан активным Павлом Филипповичем под одобрительный взгляд Февронии Андреевны. В его карман также были направлены несколько банкнот. Сердобольный чиновник сразу поддержал родственников, видимо, надеясь заработать на таком решении ещё и благодарность от своего руководства. Лишние сплетни были способны вызвать коммерческие риски и понизить доход от перевозок поездами. Соответственно, чиновник немедля довёл своё видение ситуации до врача и железнодорожного полицейского. Видя единство мнений, удовлетворившись только наружным осмотром покойника, врач немедля подписал полицейский акт на погребение. Феврония Андреевна, умиротворённо опираясь на руку Павла Филипповича, подошла к телу покойного мужа, окинула непродолжительным взглядом, вздохнула и тут же попросила городского нанять грузовой экипаж для перевозки бывшего цирюльника домой. Тот, подозревая одного из дворников, направил его на вокзальную площадь за таковой повозкой.

Однако совершенно неожиданно и к неудовольствию господ, присутствующих при освидетельствовании, возле входа в кладовую появился некий крепкий мужчина среднего роста с особой военной выправкой, свойственной только кадровым офицерам. Ему было около тридцати лет. Зачёсанные назад по последней московской моде волосы оголяли высокий красивый лоб. Строгости облику добавляли небольшие усы и цепкий, властный взгляд человека, обременённого государственными полномочиями.

– Здравствуйте, господа. Я надворный советник Тулин Евграф Михайлович. Чиновник по особым поручениям Московского уголовного сыска. Со мной помощник, старший полицейский надзиратель Егор Егорович Кротов, – громко заявил прибывший господин, указывая на крепкого мужчину среднего роста и простоватого вида, стоящего рядом с ним.

Если бы не знать, что Егор Егорович – полицейский чин, то можно было принять его за старорежимного купца или мастера на заводском производстве.

Надзиратель обладал кряжистой мощной фигурой с короткими и широкими кистями рук, круглым лицом с большой седоватой бородой, прямыми и густыми волосами, тронутыми проседью. Глубоко посаженные живые глаза с хитринкой выдавали наличие большой внутренней силы и природной, житейской мудрости.

Евграф Михайлович Тулин тут же предъявил служебный документ, подтверждающий чин надворного советника и должность чиновника Московского уголовного сыска по особым поручениям.⁶

Во властном лице прибывшего угадывался человек, привыкший к повиновению окружающих. По крайней мере, к обязательному почтению.

В руках имелась Т-образная крепкая кованая трость с необычным набалдашником в виде ящера, сидящего на камне и сверкающего огромными злобными глазами. Изделие, украшен-

---

⁶ Надворный советник – гражданский чин 7-го класса в «Табели о рангах» в Российской империи. Соответствовал воинским чинам подполковника в армии и капитана II ранга на флоте. Давал право на личное дворянство.

ное декоративным чудовищем, изящно прогибавшим спину и поднявшим хвост под рукой господина, привлекало взгляды.

– Слышал о некоем трагическом происшествии на сегодняшнем поезде из Петербурга. Якобы человек от водки отравился, обыватели судачат. От общества мало что скрыть удаётся. Не соизволите ли объясниться? Кто будет пострадавший по чину и роду занятий? – уточнил сыщик, обращаясь к железнодорожному полицейскому, одетому в форму.

Оказывается, Тулин и Кротов находились неподалёку, и им стало известно о смерти в поезде от привокзального кучера, давно являющегося по совместительству негласным агентом сыскной части. Такие события быстро становятся достоянием широких общественных кругов. Всё, что происходило на железных дорогах и вокзалах, относилось к полномочиям полицейских управлений железных дорог. Однако Евграф Михайлович искренне верил, что для Московского уголовного сыска мелочей и чужих территорий не бывает. Кроме того, «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», так сказать, уголовный кодекс Российской империи, ему подобное право предоставляло.

Не ожидая ответа, сыщик немедля прошёл к трупу Квадратова и тростью скинул простыню. После чего, не обращая внимания на присутствующих, внимательно осмотрел внешний вид и обыскал карманы покойного, чем вызвал неудовольствие чиновника железнодорожной полиции и остальных господ, находящихся в кладовой.

– Погибший является московским предпринимателем и владельцем нескольких цирюлен, мещанином Квадратовым Николаем Филипповичем. Следовал в первом классе поезда Санкт-Петербург – Москва. Умер, как считает врач, от острой почечной недостаточности, а причиной стало излишнее употребление алкоголя. Здесь и родственники покойного присутствуют. Господин надворный советник, конечно, право на следственное дознание у вас имеется. Но должен заявить о том, что решение нами уже принято и акт освидетельствования подписан. Да и откровенно скажу, что в ваших услугах не нуждаемся. Дело простое и не терпит двоякости. К сожалению, перепил бедняга. Письменные показания проводника и нескольких пассажиров имеются, что всю ночь, не жалеючи здоровья, весело и непотребно гулять изволил, – заявил представитель железнодорожной полиции под одобрительные кивки врача.

Услышав подобное нелестное высказывание о Николае Филипповиче, новоиспечённая вдова тут же возмущённо затрясла головой, выражая своё неудовольствие поведением уже покойного мужа. Надзиратель Кротов, до этих слов стоящий рядом с городовым и о чём-то с ним тихо беседовавший, тут же подошёл к Тулину и шепнул на ухо появившуюся информацию. Видимо, городовой намекнул надзирателю о переданной взятке.

Евграф Михайлович, внимательно выслушав помощника, строго заявил:

– Подобное действие по изучению гибели гражданина Российской империи не возбраняется, так как в инструкциях об обнаружении и расследовании преступлений чёрным по белому изложено: «Чины сыскной полиции в случаях, если обнаружат в районе действий железнодорожной полиции признаки преступного деяния, пользуются всеми правами по производству дознания и не терпящих отлагательств следственных действий». Поэтому не обессудьте, господа, намерен исполнить служебный долг. Родственникам приношу соболезнование. Утрата всегда тяжела, однако причину смерти знать необходимо. Не каждый же день в поездах умирают люди. По вашему мнению, смерть господина Квадратова не криминальна и не требует обязательного уточнения. А на мой взгляд – совершенно не ясна. Да и, возможно, употребление алкоголя вовсе и не причина, а следствие злого умысла.

Завязался краткий спор и даже небольшая перепалка. Мнение Тулина о необходимости вскрытия тела никто слушать не пожелал. Городовому было приказано вызвать дворников для переноски трупа к грузовому экипажу. Вынужденно уступив желанию близких и проводив взглядом остывшее тело Николая Филипповича, сопровождаемое городовым к крытой телеге, сыщик решил исполнить свои обязанности до конца. Он почему-то был уверен, что смерть

цирюльника очень далека от бытовой. В практике службы Евграфа Михайловича в Московском уголовном сыске окончания жизни в вагоне первого класса ещё не наблюдалось. Несмотря на коллегиальное решение железнодорожной полиции, врача и представителя путей сообщения, Евграф Михайлович счёл необходимым напомнить доктору о профессиональном долге и судебно-врачебной экспертизе, чем нешуточно его испугал. Затем в категоричной форме высказал своё неудовольствие представителю железнодорожной полиции. На что тот не ответил ни единым словом. Но при этом сыщик заметил, что в глазах представителя власти вместо угрызений совести проснулось подлое лукавство и искорки ненависти.

Феврония Андреевна и Павел Филиппович вообще отказались от беседы, возмущившись предложением сыщика и посчитав его оскорбительным для семьи Квадратовых. Тут же прилюдно оба родственника разрыдались, обнявшись друг с другом. При этом не забыв пообещать Евграфу Михайловичу всяческие кары за непонимание их душевного состояния. Особо старался Павел Филиппович, более чем дружески обнимавший неутешную вдову. Цирюльник, не останавливаясь, сыпал фамилиями многих уважаемых и почётных жителей Москвы, принимающих у него услуги по стрижкам и бритью. Наследники умершего стонали и страдали так, как положено горевать по потере самого близкого человека.

Не найдя взаимопонимания, Тулин и Кротов, вынужденно уступив коллективному решению уполномоченных лиц и близких родственников, приступили к рутинной работе: опросу свидетелей, изучению купе, где умер несчастный мещанин Квадратов, и прочим делам, предписанным инструкцией об уголовном сыске в Российской империи. Однако такие действия ещё более не понравились ни железнодорожной полиции, ни близким покойного. Как иногда бывает, из малого деяния могут появиться большие дела, способные перевернуть жизнь и создать череду непоправимых трагических последствий. Так получилось и в заросшей паутиной хозяйственной кладовой железнодорожного вокзала Петербургско-Московской железной дороги.

В ходе расспросов Евграфу Михайловичу особо существенного узнать не удалось. По показаниям проводника, покойный пропьянствовал с иностранными подданными почти до полуночи. После, достойно употребив, Николай Филиппович мирно заснул в одиночестве, не имея в своём купе других попутчиков. Проводник, что иногда совершал обход вагона, свидетельствовал, что вначале господин Квадратов храпел сильно и всё приглашал некоего Андрея Михайловича продолжить вечер в московской цирюльне. Обещал этому неизвестному господину хорошие услуги, как когда-то, в какие-то давние времена, бесплатное бритьё и стрижку. После затих и, видимо, к утру неспешно перешёл в мир иной. Ничего особого в купе, где скончался цирюльник, обнаружено не было: разбросанные вещи, несколько бутылок из-под коньяка, еда и колода карт без одной. Не хватало червонного вала, видимо, затерялся меж вещами или стенками сидений.

Тулин и Кротов, обсудив, сошлись в едином мнении. Версий могло быть три: месть или устранение свидетеля, убийство ради наследства или всё-таки несчастный случай. Реальный мотив, судя по излишне тёплым взаимоотношениям между супругой и братом покойного, имелся у обоих родственников. Слишком уж Феврония Андреевна и Павел Филиппович испытывали друг к другу близкие чувства, явно выходящие за пределы, дозволенные обществом.

Глава 8 Начальник уголовного сыска

Из «Сборника узаконѣній для руководства чиновъ полиціи и корпуса жандармовъ при расслѣдованіи прѣступлѣній. О значеніи сыскной дѣятельности». Изданія 1880 годъ.

«...При убійствѣ нужно осмотрѣть положѣніе убитаго и нѣтъ ли около трупа слѣдовъ, которые бы свидѣтельствовали о борьбѣ, бывшей мѣжду жѣртвою прѣступлѣнія и прѣступникомъ, а такжѣ сдѣлать измѣрѣнія отъ положѣнія убитаго до близлѣжащихъ обитаемыхъ жилищъ, чтобъ судить о томъ, возможно ли было слышать крикъ подвѣргшагося нападенію. Эти измѣрѣнія вѣсьма пригодны и въ изслѣдованіяхъ разбоевъ, грабѣжѣй и другихъ прѣступлѣній, гдѣ возможно прѣдположить крикъ жѣртвы прѣступлѣнія или когда самъ потѣрпѣвшій удостовѣряетъ, что онъ кричалъ, призывая на помощь. При смѣртоубійствѣ слѣдуетъ заботиться о тѣлѣ убитаго, тѣмъ болѣе, если при найдѣнномъ трупѣ окажутся какіе-либо вѣщи, принадлежащія умѣршему: крѣсть на шеѣ, кольца на рукѣ, бумажникъ, кошелѣкъ, трубка въ карманѣ и тому подобныя вѣщи, могущія удостовѣрить, что трупъ принадлежитъ такому-то лицу, конѣчно, въ этомъ случаѣ могутъ помочь рассказы свидѣтѣлѣй, родныхъ или близкихъ покойному...»

Евграф Михайлович Тулин находился в кабинете на третьем этаже дома в Малом Гнездиновском переулке. В этом здании располагался Московский уголовный сыск, или МУС. Именно так в простонародье, на босяцком жаргоне улиц, называлась московская сыскная часть. Помещение, предоставленное чиновнику по особым поручениям, было совсем небольшим, три гренадѣрских шага в ширину и три в длину. Однако имелось окно, дававшее достаточно света и возможность наблюдений, так как выходило на главный вход в здание. Пространство кабинета позволяло расположить в нем стол, канцелярский шкаф, вешалку-стойку в углу помещения и пару стульев для посетителей. На одной из стен размещалась большая карта города Москвы, дозволенная цензурой. Подобные изображения издания 1884 года использовались во многих присутственных кабинетах и считались весьма полезными и современными. Один экземпляр был подарен Евграфу Михайловичу «Обществом распространения полезных книг», состоящим под высочайшим покровительством лично Государя Императора, за поимку воров, похитивших имущество на Императорской карточной фабрике.

В углу, как и положено по православным обычаям, на небольшой полочке располагалась икона Страшного суда. На ней изображался грядущий конец света, сцены адских мучений нераскаявшихся грешников и райского блаженства достойных праведников и благочинных людей.

В производстве у сыщика имелось несколько расследований об ограблениях и убийствах, но два из них казались наиболее срочными. По сути, розыскные дела не отличались сложностью, однако требовали особого внимания. В них пострадали слишком значимые для московского общества персоны.

Одно – о неудачной попытке ограбления магазина знаменитой ювелирной компании и торгового дома «НЕМИРОВЪ-КОЛОДКИНЪ». Двое дерзких налѣтчиков посетили ювелирный салон, под угрозой револьверов потребовали деньги и драгоценные изделия. Для своей безопасности закрыли входную дверь, вывесили табличку «Обедъ» и опустили шторы на окнах. Пока приказчики трясущимися руками пытались вскрыть витрины, сейф и уговаривали преступников не лишать их жизни, прошло некоторое время. На беду похитителей, мимо следовал городской, который прекрасно знал распорядок дня магазина. Заподозрив неладное в раннем закрытии салона, он начал стучать и заглядывать в окна, при этом, задув в свисток, вызывал к себе ближайшего дворника. Не придумав ничего другого, испугавшись полицейского и при-

бытия к нему помощи, налётчики схватили с десяток серебряных вилок и ложек, лежащих на витрине без защиты стёклами, и выскочили из торгового помещения. Оба грабителя скрылись, бросив револьверы прямо в городского и повредив ему нос.

Оружие оказалось деревянным и выкрашенным в чёрный цвет. Вслед незадачливым вора́м стрелять возможности не имелось в связи с наличием на улице большого количества горожан, как гуляющих, так и спешащих по делам. Было понятно, что преступники действовали в первый раз, являлись не обученными разбойному делу и, скорее всего, крестьянами с окраин, может, сезонными рабочими или залётными мелкими ворами из других городов. Главный соучредитель ювелирной компании, господин Немиров, являлся известным благотворителем и почётным жителем города. В связи с этим дело стояло на контроле у самого обер-полицмейстера Москвы.

Второе расследование виделось более серьёзным и касалось дурманщиков, ограбивших особняк одного из князей Голицыных. Суть криминальных дел этих московских воров была совершенно незамысловата, а для исполнения задуманного применялась «собачка». Так назывался экстракт дурмана в жидком виде. Аферисты-дурманщики могли работать в любом месте, где присутствуют глупые и доверчивые люди с деньгами. Схема исполнения всегда была примерно одинакова: знакомство – определение совместного интереса – создание доверительных отношений – опаивание любым напитком с «собачкой» – ограбление. В этот раз одна из смазливых женщин познакомилась с домоправителем усадьбы Голицыных. Тот пригласил её в отсутствие князя на совместное времяпрепровождение, надеясь на интимную взаимность, и был опоён дурманом. После чего криминальная дама открыла чёрный вход подельникам. Те вынесли большое количество дорогих вещей. Естественно, и это расследование стояло на контроле у обер-полицмейстера Москвы.

Однако сыщик не забывал и про другие криминальные дела, способные реально нарушить спокойствие городских обывателей. Сейчас перед ним лежало два донесения негласных агентов. Тайные осведомители сообщали об увеличении количества незаконно произведённого опия, морфия и кокаина в Москве, а также об активизации торговли этим гибельным товаром на рынках и в притонах. С одной стороны, подобное не имело никакого отношения к сыскной части, но с другой – объясняло причины увеличения убийств горожан и ограблений жителей Москвы. Евграф Михайлович, используя нештатных агентов, самостоятельно разрабатывал подпольные лаборатории в городе, весьма редко привлекая к этой работе постоянный состав сыскной части. Сыщик был уверен, что подобная отравка толкает уголовный элемент, рабочих заводов, торговых предприятий, мануфактур и господ из благородных семей на преступления. Тулин уже намеревался осуществить доклад начальнику МУС, а затем и губернскому департаменту полиции с выводами и цифрами, дабы предложить усилить профилактику распространения кокаина, опия и морфия. Тем самым снизить и общую уличную преступность. Работу прервал старший полицейский надзиратель Фёдор Губов, коренастый мужчина с крепкими кулаками и дерзкой улыбкой, при которой он обычно демонстрировал единственный золотой зуб на фоне остальных, почерневших от чайного чифирия. Если бы не рыжие волосы, можно было принять этого человека за цыгана, настолько его вихлястые повадки отдавали улицей и табором. Фёдор, постучавшись в дверь сыщика, с заметной ехидной улыбкой сообщил:

– Пожалуйте до полковника. Ожидаячи вашу милость, грустить изволит начальство.

Тулин утвердительно кивнул головой и строго посмотрел на младшего чина, тот, прикрыв дверь, тут же ретировался.

Фёдор Губов был человеком, весьма близким к коллежскому советнику Муравьёву. Полицейский надзиратель прибыл в Московский уголовный сыск вместе с Муравьёвым и исполнял, по большей степени, его личные приказы и поручения. Где, когда и кто рекомендовал Фёдора Губова для службы в департаменте полиции – было загадкой, так как по внешнему виду и наглому поведению он предназначению полицейского соответствовал мало. Фёдор

демонстративно носил одежду, принятую в среде криминального мира Москвы. К примеру, предпочитая пиджак в «ёлочку» или «большую рваную клеточку», лёгкий шёлковый шарфик, в любую погоду обмотанный вокруг крепкой шеи особым заливчатским образом, сапоги в гармошку, называемые «прохорями», головной убор – кепку-восьмиклиночку. С равными себе разговаривал исключительно на лёгкой смеси рыночного, уличного сленга и тюремного жаргона с добавлением некоторых приличных слов. Свои выходки и манеры он объяснял одним – необходимостью сохранения образа босняка, так как имел поручения тайного надзора за разными преступниками Москвы. Евграфа Михайловича Фёдор Губов побаивался, зная его жёсткий нрав и горячую крепкую руку, потому как однажды уже получил по плечу приличный удар тростью за нетактичное поведение с ним.

Тулин отложил донесения, отодвинул газеты с криминальной хроникой и, взяв несколько листков с предложениями, направился к начальству. Именно сегодня, пользуясь приглашением на беседу, сыщик решил озвучить некоторые из своих мыслей на тему борьбы с распространением незаконных веществ. Через пять минут Тулин постучал в дверь полковника Муравьёва.

– Войдите, – раздался громкий голос коллежского советника.

Данный чин соответствовал полковнику полиции, армейскому полковнику и капитану первого ранга императорского флота.

– Приглашали, Константин Кузьмич? – уточнил Евграф Михайлович, войдя в кабинет.

– Вызывал, господин Тулин. Вызывал, а не приглашал, – заявил полковник, не поднимая головы, читая свежую газету «Голос Москвы».

Газета считалась политической, отчасти литературной и экономической, на пример «Московских ведомостей». Но, в отличие от последней, обычно содержала очень много непроверенной и низкопробной беллетристики о всяких городских происшествиях. Однако для сыскной части была просто незаменима, так как отражала последние сплетни высоких дворянских салонов и болтовню базаров и улиц.

– Вот пишут интересные вещи. Император-то наш опять хочет подарок сделать народу российскому. Подушную подать отменить намеревается. Почти сорок миллионов этот налог в казну даёт. Зато желает увеличить налог на спирт, сахар, табак и добычи всякие. Конечно, простому народцу полегче будет. Заботится император о процветании каждой семьи. Лишь бы оценили. Батюшка его, государь Александр II, о народе думал не меньше. Ну и что? К чему сия доброта привела? Ни к чему хорошему! Погубили императора террористы из «Народной воли», взорвали, и всё на этом. Читали ли о благих намереньях нынешнего государя? – уточнил коллежский советник.

– К сожалению, нет. Очень мало времени по причине занятости служебными делами, – ответил Тулин.

– Не интересоваться новостями совершенно неразумно. Жизнь государства интересоваться надобно, тем более решениями государя и сената. Без этого полицейский не может быть настоящей опорой обществу. Он должен знать всё, обо всём и обо всех. Я вот стараюсь именно так поступать, в пример вам. Ладно, мне вас не перевоспитать, посему оставим это бесполезное занятие. Доложите, как идут дела по ограблениям ювелирного магазина Николая Васильевича Немирова и особняка князя Голицына? Более пятнадцати дней прошло. Я вас не беспокоил и не мешал. Каковы же успехи? – уточнил Муравьёв, даже не предложив присесть и не поднимая головы от газеты.

Тулин подробно рассказал о проведённой работе. Казалось, начальник сыска даже не слушает чиновника по особым поручениям, а просто ожидает окончания речи. Так и получилось. Как только Евграф Михайлович остановился, Муравьёв задал несколько вопросов:

– Скажите, а как вы оказались вчера на Николаевском вокзале и, совершенно не имея на то оснований, вдруг взялись за расследование смерти господина Квадратова, владельца московских цирюлен, почившего в поезде? Кроме того, умудрились нахамить несчастным род-

ственникам покойного? Потом для чего-то поспорили с железнодорожной полицией. Ну и, в конце концов, оскорбили доктора, обвинив его в некомпетентности?

Тулин внутренне чертыхнулся от ханжества своего начальника. Видимо, близкие умершего Квадратова, используя связи, обратились за помощью к полковнику Муравьёву, а может, и выше. Скорее всего, им хотелось быстрее вступить в наследство. Либо чины железнодорожной полиции, желая замазать ситуацию с нарушением инструкций, сами решили высказать жалобы первыми.

– Мои действия полностью определяются положениями об уголовном сыске в Российской империи, а также сборником правил и наставлений для врачей и прочих медицинских чинов. Не могу понять, в чём тут нарушение с моей стороны, – ответил Евграф Михайлович.

– Очень плохо, что вы не замечаете. Не нужно прикрываться инструкциями, прежде всего надобно заботится о деле. Разве допустимо тиранить родных в день такого траура и критиковать действия коллег? Ваше своеволие весьма заметно, и не только мне. Скажите, а для чего отслеживаете незаконную торговлю ядовитыми и сильнодействующими веществами? Каков ваш интерес? Сыскная часть подобными делами не занимается, – уточнил полковник.

Евграф Михайлович хотел предметно изложить свой взгляд на заданный вопрос, но тут же был перебит раздосадованным начальником. Муравьёв просто не находил себе места и даже не пытался скрыть своего раздражения.

– Пусть в ревизиях аптечных магазинов и прочих лечебных лавок упражняется врачебное управление совместно с обычной полицией. Это их служба отечеству. Преступления на вокзалах входят в компетенцию железнодорожной полиции. Действия врачей должно контролировать врачебно-полицейское отделение. Наше дело – ловить убийц и воров. Для этого и служим в Московском уголовном сыске. Дилетантство полное! Конечно, не могу вас упрекать в специальном искажении хода розыскных дел, но профанация полная. Лучше ищите злоумышленников среди работников ювелирной лавки господина Немирова. Кто-то из своих подговорил налётчиков ограбить уважаемого человека. Не занимайтесь впредь ерундой, иначе буду вынужден указать на дверь. Вы же из армейских офицеров, а попали в полицию. Господин Тулин, может, нужно обратно, в строй, на плац? Именно там, среди громких команд, среди шпор и парадных мундиров ваше истинное место. Вот такое моё мнение!

Муравьёв, резко прервав речь, нагло улыбнулся. Видимо, желал насладиться произведённым эффектом от своей начальствующей жёсткости. Тулин стоял молча, обдумывая суть происходящего и незаметно осматривая фигуру и лицо своего начальника, стараясь проанализировать его действия.

Тот был весьма интересен внешним видом. Среднего роста, широкоплечий, с крепкой фигурой, массивным круглым лицом, небольшими усиками и широкими скулами, начальник сыскной части напоминал английского bulldoga, читающего газету. Особо это сходство дополняли толстые складки, покрывающие большой лоб. Подобное впечатление усиливал серо-чёрный костюм из любимого тканого материала шотландских землевладельцев – гленчека (Glen Urquhart Check), представляющего собой ткань в большую клетку.

Муравьёв и слова произносил так же, как и должен был говорить бульдог: смачно, немного шепеляво, пропуская через большие губы и лениво двигая челюстью. По крайней мере, в мыслях Тулина полковник выглядел именно так, по-собачьи. На взгляд Евграфа Михайловича, поведение начальника было не только недостойным по чину, но и просто странным. Что-то в словах и действиях сыщика полковника весьма возбудило, возможно, именно действия по выявлению незаконного изготовления и торговли морфием, кокаином и прочим.

Тем временем коллежский советник продолжил:

– Достаточно никчёмных словес. Распустились при бывшем начальнике, полковнике Струкове. Скажу честно, есть желание немедленно отстранить вас от дел, да нет возможности. К моему глубочайшему сожалению, московские бандиты не спят, всё промышляют. А посему и

заменить вас пока некем. Попрошу, милостивый государь, немедля выехать в деревню Кожухово. Там местный урядник нашёл труп. Этим заниматься, конечно, должна сельская полиция и тот пристав, к которому окраина приписана. Однако час назад получена нарочным депеша от частного пристава. Просит обязательно сыскную часть подключить. В чём особая ценность этого почившего убиенного бедняги – мне неизвестно, но отказывать частному приставу не хочу. Так что поезжайте, осмотрите, поучаствуйте. Обязанности по поиску убийцы на себя не берите, но уважение окажите. Господин надворный советник, прошу в последний раз, выкиньте из головы все лишние мысли и займитесь конкретными делами. Я поболее служу в полиции и знаю, что говорю. Надеюсь, мы найдём взаимопонимание.

После своего категоричного выступления начальник сыскной части в неудовольствии положил газету на рабочий стол. Следом позвонил в колокольчик, вызывая дежурного надзирателя, тем самым показывая, что общение закончено. Последние фразы полковник произнёс исключительно язвительно, стараясь ещё раз задеть Евграфа Михайловича. Тулин промолчал и вышел из кабинета. Он пока ещё не решил, как же ему реагировать на подобные выходки начальника. Господин Муравьёв прибыл в сыск из департамента полиции и трудился в своей должности всего несколько месяцев. Понять ход его мыслей возможности не имелось. Однако холодность в отношениях была видна и со временем не только не уменьшалась, а всё более увеличивалась.

О некоторых причинах Евграф Михайлович догадывался. Ранее начальником сыскной части являлся полковник Струков, ныне отправленный в отставку. Человеком считался опытным, исключительно порядочным, знающим службу, и в том числе был давним приятелем Евграфа Михайловича. Именно при Струкове, после ухода с военной службы в звании штабс-капитана, Тулин был принят в управление московского обер-полицмейстера.

Муравьёв перешёл в уголовный сыск из третьего делопроизводства Департамента полиции, где занимался политическим розыском. Ранее в его обязанности входил надзор за политическими организациями и партиями, борьба с ними. Сплетники в московской полиции поговаривали, что он не совсем аккуратен в делах, подношения весьма любит и не гнушается взятками. Но кто же его знает, правда это или ложь? Язык, как известно, – без костей.

Глава 9 Болотный труп

Из «Сборника законовъ, правилъ, наставлѣній и распоряжѣній правитѣльства для врачей, фармацевтовъ, вѣтѣринаровъ и прочихъ мѣдицинскихъ чиновъ. Судѣбно-врачебныя экспѣртиза. Осмотръ и освидѣтельствованіе мѣртвыхъ тѣлъ». Дозволѣно цѣнзурою. Изданія 1883 годъ.

«...Кто похоронитъ мѣртваго прѣждѣ судѣбно-мѣдицинскаго осмотра тѣла въ такихъ обстоятельствахъ, когда закономъ сіе не дозволено, тотъ подвергается за сіе: или дѣнѣжному взысканію не свыше трѣхсотъ рублѣй, или же арѣсту на время отъ трѣхъ нѣдѣль до трѣхъ мѣсяцѣвъ. Но если будѣтъ дознано, что онъ учинилъ сіе съ намѣрѣніемъ скрыть слѣды смѣртоубійства, то онъ въ сѣмъ случаѣ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, наказывается какъ пособникъ въ содѣянномъ смѣртоубійствѣ...»

Переодевшись в костюм для полевых прогулок и хромовые сапоги, пригласив старшего полицейского надзирателя Кротова с собой, Евграф Михайлович нанял случайный экипаж и направился в деревню Кожухово, что располагалась рядом с Холерным кладбищем и Сукиным болотом, на окраине города. Те места у жителей Москвы имели недобрую славу. В давние тысяча семьсот семидесятые годы занесли солдаты, возвращавшиеся с российско-турецкой войны, изнурительную и страшную чуму. Население, уставшее от смертей и бестолковых карантинных мероприятий властей, в 1771 году подняло чумной бунт. Обезумевшие и отчаявшиеся обыватели творили беззаконие, погромы и насилие. Москва занялась пожарами. Толпы людей грабили всё, что попадалось под руку, но особо продуктовые лавки и питейные заведения с винными погребами. Вскоре в Москву прибыл генерал-майор, граф Григорий Григорьевич Орлов с войсками. Бунт жестоко подавили, подвергая наказанию за малейшее неповиновение. Тех, кто, вопреки приказам властей, прятал умирающих и больных, отправляли на вечную каторгу. Добропорядочным и верноподданным доносчикам платили по двадцать рублей за содействие. В те годы погибло почти шестьдесят тысяч жителей Первопрестольной. Вот тогда и возникло Холерное кладбище как последнее прибежище умерших и убитых при подавлении бунта.

Московский народ сторонился этой окраины. Ходили слухи, что ночью там полным-полно стенающих и неприкаянных душ, бродящих по кладбищу и близлежащим местам. Якобы при встрече способны эти потусторонние силы утащить живого человека в могилу, а уж если подобное не получалось, то накладывали долгую порчу.

Через три часа Тулин и Кротов оказались в нужном месте. Несмотря на трагичную историю, этот район поражал обилием трав и красотой берёзовых рощ. На въезде в деревеньку, сбоку от пыльной и вертлявой дороги, имелся «голубец», специальный Поклонный крест с киотом, венчаный двухскатной крышей из двух аккуратных дощечек. Ставился он с двумя целями: для того чтобы дальний путник по прибытии в село мог воздать молитву за окончание трудной и опасной дороги, а также для обозначения границы поселения. Деревня была небольшой, дворов на сто. Однако, судя по основательным силуэтам домов, достаточно зажиточной. Потому как располагалась вблизи Москвы и давала возможность жителям зарабатывать извозом и другими ценными ремёслами, нужными для Первопрестольной.

Прямо возле «голубца», на обочине дороги их ожидал сельский полицейский урядник в форменной одежде. Это был кряжистый мужчина с тяжёлым взглядом и здоровенными кулаками, видимо, вышедший из низов благодаря своей нахрапистости, скопленным семейным деньгам или природной продвинутости. Тулин ранее уже видел этого урядника, только не мог припомнить, когда и где. Рядом с сельским полицейским стоял ландолет тёмно-коричневого

цвета с двумя запряжёнными «воронами в загаре». Так называют лошадей, которые за летний сезон выгорают на солнце, приобретая взамен чёрного новый, светлый оттенок – коричневый. На козлах сидел невысокий худощавый и остроносый мужичонка с узким лицом. Он постоянно находился в суетливом движении: то бороду поглаживал, то ногой притопывал, то елозил по сиденью. Видимо, нрав имел беспокойный. Чёрные насторожённые глаза бегло осмотрели Тулина и Кротова. Затем враз потухли, как бы затаились. Мужичонка спрыгнул на землю и уважительно поклонился. После Евграф Михайлович несколько раз замечал этот тайный взгляд. Кучер постоянно наблюдал за сыщиком, как будто бы старался проникнуть прямо в душу и разузнать все секреты. Евграф Михайлович эту особенность запомнил, но пока списал на обычное любопытство. Не каждый день в такой глуши появлялся высокий чин полиции. В том, что возница знал, кто пожаловал в Кожухово, сомневаться не приходилось. Конечно же, урядник всё уже растрепал. Несмотря на московский номер на экипаже, одежда возницы не была форменной, как полагалось учтённому городскому кучеру. Вид имела обычный, сельский: длинная рубаха, полосатые портки, сапоги да картуз.

Увидев наличие достойной коляски при местном уряднике, Тулин тут же заплатил московскому извозчику и отпустил, к превеликой его радости. Коммерческим кучерам возить полицию было не с руки, а отказать государственным людям невозможно. Ожидать таких клиентов на остановках приходилось бесплатно и без возмущений. Время, как известно, шло, но в карман копейку не заносило и дохода не давало.

– Доброго здравия деревенской полиции! Надворный советник Евграф Михайлович Тулин, чиновник по особым поручениям. Что стряслось? – уточнил сыщик, осматривая урядника и пытаясь вспомнить, где они встречались.

– И вам всего хорошего, ваше высокоблагородие. Да, есть кое-что особое и не совсем нашего скудного ума дело. Найден болотный труп возле деревни! С неделю лежал в тине, может, и поменьше. Подгнил, вымочился добела, как кусок свинины к празднику. А вчера тут как тут – обнаружился. Поедьте, покажу. Тут недалече, с версту до Сукина болота, – ответил урядник, в свою очередь пристально осматривая Тулина и Кротова.

– Уважаемый, напомни, как звать вас? Сдаётся, что мы как-то встречались, – уточнил сыщик, следуя за младшим чином.

– Так в сентябре прошлого года общественный порядок обеспечивали в городе, аккурат на время приезда государя. В те дни их Величество с младшими детьми, Великими Князьями Алексеем и Сергеем да Великою Княжною Марией прибывали в Москву. Торжество ещё было, подобного ни разу не видывал. Фейерверки, оркестры, шары! Вспомните: мы вместе на вокзале присутствовали. Ещё инициаторов из фабричных рабочих останавливали, что хотели отпрячь лошадей из экипажа императора и самим его везти до Кремля заместо коней. Тогда вся полиция Москвы по маршруту движения государя трудилась. Вот там и виделись, – заявил Кротов, до этого момента молчавший.

– Так и есть, правда ваша. Я тоже вспомнил, где вас видел. А меня зовите Прохором Михайловичем, не ошибётесь. Фамилию отец оставил богатую, рыбную – Сомов, – с улыбкой ответил урядник.

– Неплохо живёте, Прохор Михайлович! По деревне в приличных экипажах разъезжаете, – пошутил Тулин, садясь в ландолет.

– Да уж, в жизни бывает много хорошего, но не каждому оно достаётся. У нас вот с его высокоблагородием в Москве личных экипажей не имеется, – поддержал начальника старший полицейский надзиратель.

– Бог с вами, не конфузьте! Это только по особому случаю, в честь вашего прибытия. На такой «каре» редко катаюсь. Макарий Африкантович, что на козлах сидит, в Москве извозом занимается. Сегодня я его попросил при мне быть, чтобы вас встретить. Он ещё и местным сторожем при Кожуховском и Холерном погостах служит. Кладбища рядом стоят,

поэтому за обоими и приглядывает. Наш человек, надёжа порядка и дисциплины, – ответил урядник, похлопав кучера по правому плечу.

– Хорошо, что такие достойные сельчане имеются. А кто же обнаружил болотного покойника? – уточнил Тулин.

Урядник принялся объяснять ситуацию:

– Что касаето мертвеца, сейчас расскажу. Нашли труп местные деревенские бабы. Ряску пошли собирать для гусей и утей. На Сукином болоте торфяники, земля у краёв зыбкая, того и гляди провалишься. Бабы близко к жиже боятся подходить, железные крюки кидают в топь и тянут корм для деревенской живности. Так вот, с раннего утра тянули-тянули и подловили мёртвого мужичка в городской одежке. Видите, ваше благородие, торфяники, они не только для гусей рясочку выводят, но и трупам весьма хороши. В болотах, под верхним слоем «болотного киселя», среда особая имеется, портиться человеческой кости и мясу никак не даёт. Так что труп этот разложиться особо не успел. Немного подгнил – и всего. Перепугались бабёнки, крюки бросили и в деревню побежали сломя голову, к старосте. А тот уже за мной и за батюшкой послал. Я приехал, осмотрел и, прежде чем отправлять в мертвецкую, решил сообщить в сыскную часть. Вот вас и прислали по этому делу.

Евграф Михайлович, выслушав краткий доклад, спросил:

– Врача или фельдшера, надеюсь, вызвали? Помните параграф семьсот первый инструкции чинам полиции при обнаружении преступлений? Там говорится о мёртвых телах, найденных на дорогах, полях, реках и болотах. Надо первичный медицинский акт составить о причинах смерти и местным жителям труп показать, вдруг опознают. Да, и ещё хотел уточнить, чего такого ценного из себя представляет несчастный? Мы-то зачем здесь? На каждого утопленника сыскная часть прибывать не обязана.

Сельский полицейский покачал головой, вздохнул и ответил:

– Нет здесь никаких фельдшеров. В соседней деревне коновал-самоучка проживает, и тот на заработки ушёл. Некому освидетельствовать, здесь же не Москва, где на каждом шагу медицина. В мертвецкой разберутся, почему сгинул. Но с болотным трупом всё понятно, уголовный след за ним тянется. Покойный непростым человеком был, и поэтому я вас оповестил. Одежда городская, что чудно в наших местах. Только новая или поношенная была – уже не понять после чёрной тины. Да он и не утопленник вовсе, верёвка на шее есть, хотя и она больше для антуража. Видимо, упыри-убийцы просто обрезали пеньку после удушения, поленились снять или побрезговали. Кроме того, верёвка – это не главный повод к смерти. Умер-то он не от удушения и не от утопления, а от третьей причины.

– А что тогда? Давай уж всю правду сразу городи, а то всё кусочками нарезаешь! – уточнил Кротов, видимо, устав от непонятности рассказа урядника Сомова.

– Да у него в животе с десятков синюшных ран, словно шилом били. Так обычно тюремные и каторжные звери орудуют, – с некоторой обидой ответил Прохор Михайлович, видимо, не одобряя шуток Кротова.

– Это уже более серьёзно. Здесь, может, и какой-то душевнобольной потрудился. Про шило я где-то уже слышал, надо бы поискать по картотеке. Всё ли? – уточнил Тулин.

– Нет. Опять же, это не самое главное для вашего особого прибытия. Медаль при нём имелась, в особом потайном кармане брюк была запрятана. Когда я труп осматривал, медалька и выкатилась на всеобщее обозрение. Прямо чудеса, сам бы я её никак не нашёл. Вот она, награда за прошлые подвиги, – заявил урядник.

– Вот те на. Я завсегда говорю: человек без медали – что дуб без желудей. Может, и красив, только никому не нужен. Вот погиб заслуженный человек, и сразу не сельская полиция ищет, а Московский уголовный сыск, – заявил Кротов.

Урядник, не поняв, шутит надзиратель или говорит всерьёз, засунул руку в карман, достал кое-как свёрнутый носовой платок не первой свежести. После попытался отдать его

Евграфу Михайловичу. Однако, увидев некую брезгливость на лице сыщика, сам раскрыл тряпицу на ладони. Там лежал небольшой сильно потёртый и поцарапанный серебряный кружок награды с надписью «ЗА УСЕРДИЕ».

– Смотрите, ваше высокоблагородие, ещё с бюстом покойного государя-императора Александра I чеканилась. Я же знаю, что медалька эта особая, государем присваиваемая. Значит, человек, что хозяином является, пользу какую-то отечеству принёс. Конечно, по возрасту трупа награда ему принадлежать не может, но и явно не ворованная. Цена ей невысока, серебряная же. Чего её в потаённом кармашке носить? Значит, личная. Отца или братца наверняка. Талисман для души! – уверенно заявил урядник.

– Дельное предположение. Да, действительно, странная история. А может, чужие в деревне появлялись? Возможно, проживает кто не местный? Не интересовались, случаем? – уточнил сыщик, кивнув Кротову и посмотрев на медаль.

Тот понял с одного взгляда. Тут же забрал улику с носового платка и положил себе в карман для производства дальнейших следственных действий.

– Нет, никого чужого. Местные мужики работают в Москве. Бабы домашнее хозяйство держат. Курей, свиней, гусей и утей разводят для рестораций, поэтому из Кожухова никуда. Если бы какой новый человек появился, то сразу же известно бы стало. Я многих опросил, ни у кого на постое посторонних нет и не было. Деревня справная, народец в лихости не замечен. Да вон и Макарий Африкантович говорит, что лишних в деревне давно не видел. Ему верить можно, всех и всё здесь знает. Не зря у меня в нештатных помощниках числится, – ответил Прохор Михайлович, указывая на кучера.

Тулин промолчал, раздумывая над ситуацией. С одной стороны, труп как труп, а с другой – весьма особый. Получается, трижды убитый: шилом, повешеньем и утоплением. Опять же, городской житель и медаль неспроста в кармане таскал. Скорее всего, пытали, засунув шею в петлю, а потом умертвили. И труп в болото, чтобы концы спрятать навечно. Очень жестокое убийство, достаточно редкое для Москвы.

Вскоре они подъехали к заболоченной местности, далее следовать экипажем было невозможно. Оставив кучера при конях и ландовете, Тулин, Кротов и урядник направились по узкой тропинке к месту обнаружения трупа. Запахло сыростью и мерзким запахом гниения, именно так пахнут стоячие болота.

– Долго ещё идти до места преступления? Кто там с ним находится? – уточнил Евграф Михайлович, прислушиваясь к весёлой переключке лягушек.

– А с кем с ним? – удивлённо спросил урядник.

– С трупом, с кем же ещё, – заявил Тулин, порядком устав от ненавязчивой простоты деревенского полицейского.

– Да никого нет. Кто же с ним останется? Некому. Бабы теперь от страха в церкви дневать и ночевать будут. Макарий Африкантович, что мне бесплатно помогает, при конях. Староста в делах. Коновал на заработках. Никого свободного и нет. Да и что с трупом случиться может. Он же неходячий, – засмеялся урядник Сомов.

Через некоторое время вышли на небольшую площадку, чистую от зарослей и удобную для сбора ряски. Видимо, здесь и был вытасчен из топи неизвестный убиенный. Урядник удивлённо осмотрел место, прошёл из стороны в сторону, сделав с десяток шагов.

– Спаси, Господи, от наваждения! Нет здесь болотного трупа, хоть убей. Головы не приложу, куда мог деться? – удивлённо заявил он, перекрестившись.

– Вот так дело! Кто ещё, кроме баб, мог знать про труп? – уточнил Тулин, осматривая место.

– Бабы со своими домашними, батюшка, староста и Макарий Африкантович, боле никто. Кому же нужен был мёртвый? – удручённо ответил урядник.

– Значит, знала почти вся деревня. А насчёт того, кому нужен, ответ простой. Тому самому убийце, кто его жизни лишил. Видимо, есть в этой деревне или где-то поблизости преступник. Тот, кто убил этого человека и бросил в трясину. А узнав, что убиенного нашли, пока вы меня ожидали, опять его куда-то уволок. Может, и в эту же топь. Только место нашёл как можно глубже, дабы повторно не всплыл, – ответил Тулин, внимательно осматривая местность.

– Так и есть, ваше благородие. Я смотрю, в этой деревне чертей хватает. А то недавно Прохор Михайлович сказывал, что лихости ранее не наблюдал. Здесь хитрые тайны и чёрные подручные точно имеются. Как говорится, зимний ветер – морозу самый толковый помощник, пуще него холодит. За то время, пока труп нас молчаливо ожидал, душегубов предупредили, и они его повторно уволокли. Да вот и следы. У нас с вами такая ситуация как-то уже была. Пожалуй, в Туле, когда по оружейному заводу следствие проводили, – заявил Кротов, указывая на примятую траву, ведущую к одному из краёв болота.

– Да-да. Это было при выявлении секты скопцов в Тульской губернии. Припоминаю, – ответил Евграф Михайлович.

Он с Егором Егоровичем Кротовым трудился вместе с 1881 года. Бывали не в одном деле и поэтому понимали друг друга с полуслова.

– Что, теперь снова его крюками искать? Далеко же он уплыть не мог, – удручённо заявил урядник.

– Вы после нашего убытия хорошенько осмотрите домовладения. Надо убийцу или пособника душегубов среди деревенских искать. Сдаётся, что кто-то из местных жителей замешан в этом деле, – ответил сыщик.

Урядник почесал затылок, вздохнул, после с неудовольствием ответил:

– Как же все сто домов проверить? А хлева? А амбары и погреба? А сеновалы? Если только у Макария Африкановича попросить содействия. За неделю, может, и управимся, все дела бросив.

– Эх, лиха беда, да только тому, кто счастья хочет. Обычно дело мастера боится, а иногда худой мастер сам дела опасается, – с сарказмом ответил Егор Егорович.

Тулин же ничего не сказал. Замечания и критика теперь уже помочь не могли. Сыщик принялся искать улики, тростью отодвигая траву. Вскоре Тулин обнаружил втоптаный в мягкую землю кусочек чёрной бумаги, похожий на обёртку от конфеты. Он нагнулся, поднял и принялся рассматривать. На фантике не имелось надписей, только нагло улыбался измятый и грязный от земли красный чертёнок с трезубцем. Кому принадлежал клочок цветной бумаги: убийцам или утопленнику? Или вообще валялся случайно, непонятно кем втоптаный в грязь? Ясность отсутствовала. Следы обуви чёткого отпечатка не сохранили, однако имеющиеся вмятины в мягкой земле могли свидетельствовать о росте людей, их оставивших. Для этого много ума было не нужно. Посчитав, Тулин пришёл к выводу, что убийцы были примерно одного роста – среднего. Ещё около двух часов искали труп, улики и следы преступников рядом с болотом, но более ничего полезного и нужного для объяснения причин появления и исчезновения тела не обнаружили.

К вечеру Евграф Михайлович и Кротов, отдав нужные поручения уряднику, вернулись в Москву. Тулин, отпустив старшего надзирателя домой, сам остался на службе.

Дежурный по сыскной части принёс ожидаемые донесения от тайных агентов. Одно содержало краткую суть наблюдений за иностранцами, что следовали в одном вагоне с покойным Квадратовым, а второе о родственниках почившего цирюльника.

Конверты, которые оставили ему, оказались вскрытыми. Евграф Михайлович даже не стал уточнять у дежурного надзирателя, почему подобное случилось. Ему и так было понятно, что это сделали по приказу начальника сыскной части. Сыщик немедля принялся читать. В тексте первой записки указывалась, что попутчики покойного – граф Паоло де Ассаб, графиня Катарина де Ассаб, также граф Виктор де Ассаб – сняли очень дорогие апартаменты в Большом

Кисельном переулке, дом девять дробь один. Судя по информации, иностранцы вели жизнь светскую, посещали магазины, рестораны и прочие места для подобной богатой публики. Во второй, на основании тайных показаний дворника и кухарки, излагались мысли о поведении жены и брата почившего цирюльника и предположения о некой любовной связи между ними исходя из частого совместного времяпровождения и личных взаимоотношений.

«Конечно, прелюбодеяние – страшный грех, но за него на каторгу не отправляют. Судить можно только судом духовным», – подумал Евграф Михайлович, посмотрев на икону, стоящую в углу на особой полочке.

Глава 10 Московская мещанка и музей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.